

СМЕНА №1

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Из-бо ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Январь
1935

Лыжница
карт. Г. РЯЖСКОГО

ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ КУЙБЫШЕВ

В. В. КУЙБЫШЕВ В ПРЕЗИДИУМЕ XVII СЪЕЗДА ПАРТИИ.

В 1919 г. на Туркестанском фронте (период гражданской войны).

В 1919—1920 гг.

В 1922 г.

(дата снимка установлена приблизительно).

В 1933 г.

ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ В РАЗНЫЕ ГОДЫ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

В 1910—1912 гг. в Нарымской ссылке (Куйбышев на переднем плане).

В Нарымской ссылке. Слева направо: Я. М. СВЕРДЛОВ, В. В. КУЙБЫШЕВ.

В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте в 1920 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦК ВЛКСМ „Правда“

№ 1

1935

12-й год издания

„25“, Невский пер., д. 3. Прием авторов ежедневно (кроме выходных дней) с 3 до 5 час.
Тел. 4-45-74

Товарищи Сталин и Ворошилов в почетном карауле у гроба В. В. Куйбышева.

Партия, рабочий класс, трудящиеся массы Советского Союза и всего мира понесли огромную утрату. От склероза сердца умер на боевом посту член Политбюро ЦК партии, первый заместитель председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР, председатель Комиссии Советского Контроля товарищ Валерий Владимирович Куйбышев.

Работники Совнаркома рассказывают, что 25 января, в день своей смерти, Валерий Владимирович подготовил заседание СНК. Пересиливая недомогание, он диктовал телеграммы, подписывал бумаги... В два часа дня, разрезав грудь деп. тов. Куйбышева сказал, обращаясь к товарищам: «Придется сделать маленький перерыв... Мне немножко нездоровится...»

А в 2 часа 30 минут смерть остановила его сердце.

Товарищ Куйбышев отдал всю свою жизнь, — до последнего часа, до последней минуты, — делу пролетариата и умер в разгар своего рабочего дня. Валерий Владимирович был членом боевого большевистского штаба, учеником и соратником Ленина и Сталина, и он не щадил своих сил на всех социалистических стройках.

Особенно характерны для этого испытанного бойца ленинской гвардии глубочайшая партийность, глубокая преданность знамени Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и исключительное трудолюбие, аккуратность и точность при выполнении всякого порученного партий дела.

Свое преданность партии Куйбышев проявил еще 15-летним юношей, когда в Омске, в глубоком подполье, выполнял задания партийной организации.

Октябрьский переворот Куйбышев встречает уже зрелым и закаленным в боях профессиональным революционером. Он организует советскую власть на Средней Волге, формирует красные части, участвует в разгоне контрреволюционных банд чехословаков, дутюевцев и Колчака.

Когда партия поставила товарища Куйбышева на ответственный пост председателя ЦКК—РКИ, он посвятил все свои силы укреплению ленин-

В. В. КУЙБИШЕВ

ского единства партии, он дал беспощадный отпор троцкистам и зинovieвцам, которые подняли голову после смерти Ленина. Не даром злейший враг революции Троцкий так ненавидел Куйбышева и протестовал против выбора Валерия Владимировича в председатели ЦКК—РКИ. И не даром товарищ Сталин, великий продолжатель дела Ленина, выдвигая в Куйбышева одного из лучших своих учеников и помощников.

Мы должны учиться у Куйбышева его беспредельной преданности партии, а также его умению работать.

Куйбышев руководил составлением народнохозяйственных планов, осуществлял ленинский план электрификации и в то же время прекрасно знал состояние сотен отдельных заводов и колхозов.

Вот Куйбышев пришел в узбекстанский колхоз «Пахтанор», чтобы ликвидировать прорыв в выполнении хлопкового плана. Он не только осматривает колхозные поля и знакомится с состоянием хлопчатника, но и лично проверяет учет и постановку отчетности в колхозе, тут же щелкает из счета, просматривает трудовые книжки, табели...

А как он замечательно руководил спасением челюскинцев год тому назад! По указанию Сталина, он двинул на спасение челюскинцев все резервы страны — от собакых упряжек до мощных ледоколов и самолетов.

Ленинский комсомол получил от тов. Куйбышева предельные уроки большевистского стиля работы в Совете союзного комсомольского контроля по Урало-Кузбассу. Куйбышев учил комсомольцев величайшей конкретности и вниманию и мелочам.

...Смерть вырвала его из наших рядов.

Сплотился еще теснее вокруг боевого партийного штаба!

Сплотился вокруг великого Сталина, уверенно ведущего нас к окончательной победе коммунизма!

ПЬТЬ ПРЕДАТЕЛЕЙ ЗЛОБЕВЕРИ

Международная буржуазия и ее социал-демократические холоу подняли протестной вой в ответ на громовой удар пролетарской диктатуры по контрреволюционной группировке Злобной и клеветнической кампания реакционной буржуазной печати характеризует одновременно предательное лицемерие и лживость буржуазии и общность ее конечных целей с целями зиньевской банды.

Учредители Советского союза и революционные рабочие мира единодушно заклеймили предсерную вылазку меньшевистских профбюрократов Парижа, выступивших на защиту врагов рабочего класса.

Английский писатель Бернард Шоу, надеваясь на организаторами антикоммунистической кампании, пишет:

«Мы должны надеяться, что советское правительство забыло, что тогда был убит в Египте британский генерал-майор, британское правительство выразило намерение грабить тещине реки Нила, с тем чтобы истребить все египетское население».

Воспоминания Шоу как нельзя более уместны. Буржуазия и ее прислужники смотрят на вещи «честно»: истребить население страны за то, что убит организатор бомбардировок беззащитных городов, — это укладывается в рамки буржуазной морали, но во времена диктатуры пролетариата за подобные изменнические убийства деятелей революции — это, видите ли, «протопреступное всем человеческим законам».

Но мы твердо знаем, что «диктатура» — слово божье, жесткое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на извине, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох» (Ленин «Заметки публициста». Т. XXV, стр. 33).

Позорный путь двурушников и безогляднейших перерожденцев завершился. Убийцы Сергея Мироновича Кирова расстреляны. Их вдовичи-телосы и заложены в концентрационные лагеря. Изнашив и пресреждение трудящихся клещий их писты.

Нашей молодежи надо знать весь путь борьбы партии с оппортунизмом на разных этапах революции, чтобы понять весь мерзость палачи Зинovieва, Каменева и их соратников. Знание истории рабочего движения поможет нам стать более бдительными и непримиримыми к наглости провалам и предательствам. Глубоко изучив партийные документы полагает нам все великие болевистской борьбы за победу пролетарской революции, поможет нам жить, работать, учиться и бороться так, как велели нам Владимир Ильич Ленин, так, как учил нас товарищ Сталин.

Предательство, двурушничество Зинovieва и Каменева можно проследить за протяжении десятилетий. Их позорные поступки чередуются с покаяниями, отжевываниями, клятвами в верности ленинской линии. Последний этап в их контрреволюционной деятельности показал, что двурушничество стало основой их методов.

Воспомин 1917 год. Ленин и Сталин ставят вопрос о возмездии в восстании. 10 октября на заседании ЦК Ленин читает свою резолюцию о восстании.

Зинovieв и Каменев развили бешеную деятельность, чтобы восстание не состоялось. С их жолкими доводами ЦК не соглашались, и тогда они совершают предательский поступок. Они выступают с инициативой в испарительной газете о том, что готовится восстание.

Только гениальная прозорливость Ленина убергла революцию от разгрома контрреволюции, развившей в связи с приходом Зинovieва и Каменева огромную активность.

Правительство Керенского было арестовано до того, как оно успело опознать Смольный. После Октябрьской революции, после позорного штыря-

бхерства во время восстания Зинovieв и Каменев притворились искренно раскаявшимися. Но десятка раз начинали они сначала свое подлое дело. Соратники контрреволюционера Троцкого, они клеветнически выступили в защиту Ленина. Сталина в годы восстановления нашей хозяйства; они пытались подорвать дело рабочего класса и первого конструктора. Их преступления продолжались до самых последних дней.

В борьбе с партией Зинovieв и Каменев пытались спровоцировать комсомол на выступление против Центрального комитета партии: в 1925 г. они пытались создать в Ленинграде второй, зиньевский ЦК комсомол. Зинovieв на специальном секретном совещании «обрабатывал» руководителей комсомольских работников Ленинграда.

Но только ничтожная раскаявшаяся группа предателей вроде Руминачев и Котоманова пошла за оппозицией. Весь комсомол как и всегда остался верным ленинскому ЦК, верным партии Ленина — Сталина. Не желая по-большинству исправлять свои многочисленные ошибки, прикрываясь формой о верности партии, ведь закуюную карьеристскую игру против Центрального комитета и товарища Сталина, Зинovieв и Каменев неизменно катились по наклонной плоскости штыря, лицемерия и двурушничества и докатились до безогляднейшего подлства.

Наша партия знала интриганские группировки, но в истории партии не было более злой и пресральной группам чем бывшая зиньевская группа, ставшая по существу белогвардейской бандой. Зинovieвцы сделали двурушничество и безпринципность своим занятием, своей заповедной системой. Они даже создавали свою платформу и свои антипартийные действия в прошлом, чтобы в будущем иметь парторганизаторскую деятельность в настоящем. Зинovieвцы пытались путем убийства руководителей партии затормозить социалистическое строительство. Вдохновленные Зинovieвым и Каменевым, воспитанные теми же заповедными белогвардейскими свластолюбивыми группировками, как Николаев, Котоманов, Руминачев, Шатин и др.

Благоудшие и самоуспокоенные некоторым коммунистами и работником государственного аппарата дава возможность этой банде убить любимого вождя ленинградского пролетариата.

Сергей Миронович Киров всегда был непримиримым борцом за честную платформу и единство партии. Он был беспощадным и разоблачителем двурушников и оппортунистов; он был первым меньшевиком в партии Ленина и соратником Сталина. Именно он сплотил ленинградских большевиков вокруг ленинского ЦК и разгромил троцкистско-зиньевский оппозиционный блок в Ленинграде. Стрелял в Кирова белогвардейский метан в грудь партии.

ДА ЗАВРАЩАЕТСЯ СОВЕТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Писмо 270 иностранных рабочих и специалистов горьковского автозавода им. Молотова

С чувством глубокого возмущения мы прочли в газете сообщение о том, что парижские чиновники реформистских профсоюзов в «порыве злупности» вынесли протест против расстрела убитый тов. Киров. В этом протесте мы увидели профсоюзных чиновников, этих проклятых лакеев буржуазии, этих профессиональных болтунов и обманщиков рабочего класса.

Нам ли не знать их! Каждый из нас испытает на себе их мерзкую, предательскую руку. Это они свражали забастовки, которые мы велищней проводили ценой огромных жертв, ценой телод наших жен и детей.

Это они предади героическое восстание шубинцев в Австрии. Это их предательская работа привела к тому, что испанский рабочий зинак тронил рабочих целую строну. Но они молчат об этом. Они молчат, когда тысячи рабочих силой революция, دست рабочего класса той же Испании, погибают в фашистских застенках.

Они молчат, когда в фашистских концентрационных лагерях Германия висают и убивают тысячи коммунистов и честные беспартийных рабочих, с истинно пролетарским мужеством выступивших против фашизма.

В Китае, Польше, Австрии летят рабочие жары. Но предатели молчат. Их рты не от той слезы закатили, золотой подложкой их лопод — чинились.

Товарищи рабочие Франции! Мы, иностранные рабочие автозавода им. Молотова, хотим, чтобы вы услышали наш голос. Мы им на одну минуту не сомневаемся, что ваши профсоюзные чиновники классифицируют нас, выступая от нашего имени.

Мы знаем, что весь рабочий мир соролнулся от возмущения и боли, когда был убит прекрасный человек, пламенный вождь тов. Киров. Но мы также уверены, что мы одно рабочего сердце и сердце из рабочих и мерзким убийцей пачинает от вероломной руки пролетарского правосудия. Необорот, весь рабочий класс с удовлетворением узнал о суровой каре, казрю понесли мерзавцы.

Мы сейчас живем в стране строящегося социализма, вместе с русскими товарищами под знаменем Ленина и Сталина мы делаем коммунистическую, самостоятельную жизнь. Через голову наших профбюрократов мы прогрессируем ваям ризи.

Долой лжецов!
Да завращает советское правосудие! Да арвращают революционные рабочие всего мира!

Нельзя забывать, что ерост мощи советского государства будет усилить сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут перекатываться в одних формах насловом к другим, более разном форм насловом...» (И. Сталин).

Нельзя забывать о том, что «могут ожить и завмещаются разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных нацистских элементов, белогвардейских элементов и прочего» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 510).

Мы, комсомол и молодежь Страна советов, должны всегда помнить эти слова вождя. Зоркость, историчность и непримиримость к малейшим враждебным проявлениям, белогвардейская честность, скромность и дисциплинированность в жизни, в учебе, в работе, неустанное изучение работ Ленина, Ленина и Сталина и история партии, готовность отдать жизнь за партию, за родную, за дело рабочего класса и всего трудящегося центра и страны, которые должны воспитывать и себе наша молодежь!

В. И. ЛЕНИН НА „ТРЕУГОРКЕ“

Продуктов после субботника не получали только ошодавские. Но недовольство было со стороны многих, даже тех, кто пришел вовремя. Получалось это вот из-за такой ситуации: обещали всем замять по фунту сытного, по два фунта колбасы или ветчины и по восьмьюше конфет. К моменту выдачи выяснилось, что продуктов не хватает на всех, и многим пришлось уехать: колбаса получалась по полфунта, колбасы по четверть фунта, только конфет запасли, сколько полагалось. Из-за этого все и поучилось. Дело было в пятом часу, а в пять было почти темнота. На следующий день на завод было очень много. Председатель ячейки партии Горшков был здесь, возле него не сколько коммунистов, а в разных частях помещения были еще рабочие.

Никто мы приводил запись рассказа работницы „Треугорки“ Едонины Степановны Старостной о том, как Владимир Ильич Ленин приехал в 1920 г. на их фабрику и выступил на первом съезде митинга. Едонины Степановна работала на „Треугорке“ сорок лет. В 1924 г., в двенадцатый номер, она работала на ткацком. Для работницы тов. Старостной я привел два старых севе товарищей по работе: коммунистов ленинского набора Татьяну Егоровну Додонову и Николая Ивановича Степановича в членкомитет объединяли или забывала о митингах, они исправляли и дополняли ее. Старые треугорки-бондары Галина, Николай и Василий Степановичи были в 1920 г. в Ленинском районе, в то время, когда Ленин посетил „Треугорку“, известными в сборник „Мы слышали Ленина“, издаваемый издвом МК ВПНГ (Московский рабочий).

В тот день было очень тепло... Лето тогда только начинало свое бегство на Пресне. Фабрика наша еще не работала после разрухи, очень скудно и тяжело было. И вот в такое время пошла слух среди рабочих с „Треугорки“ насчет субботника, раз жили начали о первых субботниках, как и почему должны все после в пятницу прийти работать. Мы хоть не такие были сознательные, как сейчас, а от людей не хотели отстать — пришли же и в чем жуть и стужа под митингом дивинула на Ходькину на субботник. Сообща легко прошла мы большое расстояние до Ходынки. Кто позавтракал, другие доказывали, зачем тут сол и хлеба нет. Председатель партийной ячейки Горшков сказал, что всем участникам субботника будет выдан особый паек.

На Ходькине вылазки колес от тушек, ложи, бревна, трельсы, железо — все это мы разобрали, перетасовали, складывали в порядки. Отвезли нам к тому времени от работы, устали без работы, нажимали очень сильно, тогда друг друга никто не подгонял. Потом песни поели и паек, рассмеялись все и домой с митингом паек как один промаршировали.

Приходим мы назад к себе, на фабричную кухню, в столовую—на этом месте сейчас театр—и спрашиваем, что было обещано, угощение—паек. И получаем мы обидный ответ: „Люди вы собирались, угощаться и не отстали, не хватало на всех“. До этого момента друг пришло, и била тут так, что и на столоты не ходили, а угощение себе первые отобраны Подняла шум. Пароляком нас собрали шумом, перетасовали, не хотели слушать, что нам обещали от заводского комитета. В это время кто-то сказал: «Говорят, Ленин к нам должен прийти».

К чему и кем это было сказано, неизвестно, да никто этим словам и не поверил. И в то же самое время подошла к нам типичной походкой небольшого роста мужичина в серенковой рубашке, что споробившая. Воротянка у его пальто было поднято. Сначала никто не заметил этого человека, обнаружив только на его толчок. Он спросил: «Что вы, товарищи, задумали?».

Пометром мы на него: глава весаме, спрашивает нас спокойно, самостоятелно.

Мы ему объяснили все дело, как обещали нам паек от советской власти и не дали; кто не работал, тот голыши, а нам не дали. Он выслушал, сказал, что все уладится, и куда-то ушел. Мы сразу о нем забыли—он опять шуметь. Вдруг выскочил на трибуну секретарь райкома и говорит: «Ленин, товарищи. Сейчас все международное и внутреннее положение почитай товарищ Ленин». И в это же момент выскочил на трибуну тот товарищ, что нас спросил: „Ленин! Ленин!—американцы все разрау, и забали мы про угощение и про паек, хватать звездан, кричать «ура!» радостно стел, стел кручала, хлопала очень громко и долго. Потом стало тихо, и лова Ленин еще не начал говорить, старые работницы заверили: «Нам драгоценно видеть нашего дорогого руководителя трудящегося класса!» И тут опять начали хлопать и кричать «ура», пока Владимир Ильич не поднял свою руку.

Народу к этому времени подошло несколько тысяч, стояли и на полу и на скамейках, и из стола часть поехала. Трудно все вспомнить, что было. Мы тогда только железо начали улавлять, тонные были, неграмотные не так все понимали, как сейчас, да и полтора десятка лет прошло с тех пор, так что в точности все не упоминши. И не так, может, мы

вспоминались и вспоминали, как чутьем понимали, что есть слово Ленина. Говорил он сначала, что паек всем отдают, про Миловаговора, про Государственному думу, про Гучкова, кто они такие генералы: буржуи или капиталисты, или обыкновенная трудящийся народ. Не помню только: в этот раз Ильич говорил о зле, или когда в проингли раз приехал. Насчет фронта говорил, насчет грабительства капиталистов всех стран. И про Керенского, как это они обыкновенная трудящийся народ. Не помню только: в этот раз Ильич говорил о зле, или когда в проингли раз приехал. Насчет фронта говорил, насчет грабительства капиталистов всех стран. И про Керенского, как это они обыкновенная трудящийся народ. Не помню только: в этот раз Ильич говорил о зле, или когда в проингли раз приехал. Насчет фронта говорил, насчет грабительства капиталистов всех стран. И про Керенского, как это они обыкновенная трудящийся народ.

Говорил Ленин про работу, рабочим взыском, почитай, спонжиро говоря, вынимателью. В некоторых словах прикартаванала, а так очень тихо говорил. Ладонь он не сжимала в кулак, а перед собой приводил ладонью, где требовалось, толкал. Потом перешел Владимир Ильич к текущему моменту с Колчаком. «Гражданин,—сказал он,—гда з его международных задвигивов. Буржуи оставили нам худое наследство, толкал. Потом перешел Владимир Ильич к своим себе. Надо нам много сил потратить, добить белых бандитов, и тогда нам легче станет дышать, строить намем, спонжиро трудиться, о себе больше будем заботиться, дорогие товарищи».

Кочка говорить он неожиданно, секунду тихо было, а потом такой аналитический, такой строгий, золотой стали мало, и тем ладно вылетелся на своих себе. И что он даже будто смущенный тогда; потом пошел, и мы со всех сторон как ограда, одной стеной, и все хлопает и кричим «ура», паек совсем не уехал товарищ Ленин.

На другой день выданы нам недостоящий бойлеры после все после приезда Ленина.

В скорости стали нас в скорости стали собирать на отметку, сказавши, что готовиться фабрика к туку: чистить, мыть обивания стали. После того ходили мы расширять и обирать щель, дороги вкруч привоим в лопыни лордос, приближалась производное дело. Фабрика начала работать с двадцатого года, и из-за того, что от тураного безделья: отлаивания стали обивания: воблау, сик стали выдвигать, фунт хлеба и день, и пошан мы с того времени в году, как говорил Владимир Ильич Ленин.

Замечания
т. Годунова,
Кисарева
и Никифорова

Все это произошло
1-Мая 1920
года.

В. И. Ленин 1 Мая 1919 г. в Москве.

Направо от Ленина—Н. К. Крупская и М. И. Ульянова.

В БУДУЩЕЙ МОСКВЕ

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

— Перед вами отмирало широкое авеню. В угловом сквере росла еще молодая липа. Елены барганы, и листья их в желто-оливком цвете трепетали как румяные дикие звезды. Покрыта другого цвета листвою, как изобретенного коша, был фонтан. Московская гостиница, подставя этой липой и прилегающей авеню, блистала гранитным дождем: сокол ягод и паводок, завалов, играли и пелись под темпоурачной его порой. Деревя тенью востигли, как изобретенное отравляю, пламя густо и сочно как турак военного оркестра.

Елена и Воробьев вошли. Их обвело светом, теплом и мягкими шумами, похолодя на шуршащие вращались: то скользя вверху и вниз лифта. Она лифтом блеском как глала золотых рыб в аквариуме.

Порты, походя на профессора консерватории, друга путешественника ключи от их комода.

— Увидимся! — сказала Воробьев. Елена пошла в его жестких ботинках скакуд, а улыбка, раздвинувшая платные темные губы, выражение какой-то очень молодой радости и надежды.

— Конечно, увидимся! — сказала она, ласково поймав большую мысленную руку.

Половая вышла к сумочке, Елена задержалась в восторбе. Она недавно вспоминала, как вместе со студентской экскурсией когда-то поднималась вверх по скрученной ступеням, бродила по светло освещенным переходам будущих коридоров и, выходя на гряды мусора, воображала будущее величавое. Тогда еще не смаял лесок с гостиницы Москва. Тот день как раз был для нее особенно несчастным, и потому она с подожернутым старанием слушала, смотрела, авлава вверх и вводу зонта, пошла вправо. А она все сдерживалась как амбарный котенок, глала едкие, ужасно колочие, как колосинки, слезы и тайком выдала.

— А... да что там еще! — опомнившись, прошептала Елена и в резкой посадке даже прикусила губы. — Первая любовь... детства... глупости.

Она остановилась посреди просторного вестибюля, скруто отравляясь в гладь паркета. Золотые огни всхлипуя ей восторбу: это в окна «справки», «поручения», «спота и телеграф» и «комната интуриста» выгнал свет.

Около окна «справки» стояло двое: один молодой старик в дорожном пальто, другой — приземистый, платный, с седыми подстриженными усами, в кожаном пальто и пальто летчика. Свежее личико было мелким и острое.

Высокий взгляд сиял своим коричневым шаром и бесконечным платом взгляда легкой лод. Он смеялся, заглядывая до душевке в окно и опять смеялся.

— О, да что же чуднорно!

Душевка смотрела на старика, ничуть не обижаясь. Топкая губами в как бы говорала: «Ну что же тут удивительного?»

У высокого личице ее еще ходила от смеха, а крупное бритое лицо с мягким горбатым носом даже ласкалось от нежного-то уж очень большого удовольствия.

— О! Это же полюбивший, и должен полюбившийся! — сказала он — по-иностранному обходясь к своему спутнику, летчику.

Старик вдруг похлопался душевке в окне спрыснул и, прижав плечу и груди, что-то продекларировал своим театральным басом.

Затем он торжественно протянула душевке большую желтую руку:

— Bitte, Genosiss, bitte!

1 О, это удивительно!

2 Прому, товарищ, прому!

— Дайте руку немцу, дайте! — смеясь, сказала ему молодой летчик, и она в некотором замешательстве протянула руку подалась «ладочкой». Старик немцу расправил ее пальцы, похолола и удалился, долго отирая лямей лоб.

Простите! — сказала, пододвигая к спрысочному ослу Елену. — Я ошиблась. Ничего не могу пропустить в смысле: что же здесь произошло?

— Самое обыкновенное дело, — раздался летчик. — Вот и немцы начали строить социализм. Им, конечно, значительно легче, чем нам в свое время: им законно учебно-воспитательного заведения не имела. Это, знаете ли, известный германский журналист, приехал на интернациональный съезд аграрников-марксистов.

Знаю, читала, это будет в Малом зале Дворца советов.

— Да, да... Немец и спросит вот у вас: «Душевка, о сем, о сем, а она это возьми в работу: «А в таких-то знаменитых колхозах вы, товарищ, были?» А с такими-то оптимистами и теоретиками «говарал!»... И вы же, Елена! Имела она ему отзыв конспект-эссеист-социалистический работы последней анонимной конференции генетиков и ассоциогного совещания об успехах новых туловых удобрений.

— Воробьев Денисов, — прервал ее девушка, и юное лицо ее с восторгом всхлипуя выгладало из курлово, как иллюминатор, выгладало в стелде. — Я же, товарищи, справал! Спра-авляю, вы забываете?! Я же все должна знать!.. Вот куда я пошла...

— Мало уже! — отмахнулся летчик. — Мало того, она узорно советовала немцу позакончиться с работами бригад колхозов солнца!.. Это, знаете, и летчиков, выходя спрыснуть колхозники, они обуржуазили усталим индивидуальным сонца для колхозных оранжерей, где заварива в время года и географическое положение на земном шаре можно вырывать не только картошку, а — буре ямше — мушкетерские башля-р-винтуй, актинцино авансую, грецкие орехи, абрикосы, персики... У немца с выпрежичен головой вкруто пошла...

Комната встретила Елену музыкой. Да голоса, мужские и женские, пелим страстно и печально. На маленьком экране над письменным столом телевизировалась опера Вагнера «Гристан и Изольда» — утреник из Большого театра. В глубине рядского патра сияла первая Шпринг, свернувшая мет вавалала из. В прорезе вала занималась перерасное утро. Двое смалых красавцев-людей, простора друг другу руку, пали яростно и жесткой о смерти. Елена задумчиво досуждала до конца акта, а потом передела аппарат на другую волну.

Московский день заговорил по радио симфоничный голосов и звуков, на экране замаякала зала научных конференций, партийных и комсомольских собраний, аудитория популярная лекций. День замаякала конференция, коронный, транспонированным экранами, мотоциклетными толкнами, стадионами, треками...

На шпороном только что окончился звезд колхозный раскрас. Шестидесятилетний колхоз, крепкий старик в платосат свитере, кинул в ответ на рукопожатия, шел в бурде. Раск его колхоза авла первый путь. Публика читала встала с мест.

— А, да что же я-то же сижу? — опомнилась Елена. Она сияла пальто и шаллу в выхлопном аппарате.

Наливая свежий урбм, она прошла в ванную и помыла в фаянсово-кране теплые краны. Вода, громко плеща и приносящая, вырвалась плотной, алмазно-сверкающей струей.

Елена, похолола в воде и дерлась руками впереворот развариваемые кра ванили, вдруг вспомнила о сегодняшней встрече.

Через несколько дней Елена, открывая вечером с Воробьевым, сказала, что Союз архитекторов предложил ей строить узорно авеню на реке Непторе.

— Что вам, Алексей Петрович, напротив, даже очень интересно!

— Тогда сделайте, Елена Николаевна, — сказала ему друг не обильным торжественным голосом. — Так вот... могу предложить вамую вниманию первую послужу на север, к дом в Якутию.

В главке его было строго и доверчивое выражение. Она сказала:

— Это невозможно. Я должна поехать.

— Конечно. Время есть еще. Но я вижу, что вы не все ясно себе представляете. Знаете ли вы, что такое сейчас Якутия?

— Он вынул карту и любовно разгладал ее на предельном столе. Теоретик как железно могут промучивать под острым углом две длинные линии.

— Вот это новая автотрасса от Якутска до Сибирячка и до Сибирячка до Окотска. Эта новая трасса выводит огромную область к Окотскому уралу. Автоская дорога от Тайшета до Усть-Кута, притока Лены... И вот мы соединим с Сибирской магистралю, а летом по Лене мы выведем к самому Амурскому озеру. А вот здесь еще новая тысячверстная автотрасса от Алдана до Лены: она соединит нас с Дальневосточным краем. Продолжение Лены до Владивостока, дорога из Якутска — попрос нескольких месяцев. Смотрите же, какие мы становимся открытым краем!

Воробьев увлеченно расправил руки. Скажи это скажи.

— Как-нибудь десять лет назад в автотрих-авиных районах не понимал фразы о «свистном рабстве» и «советском огороде», в тех местах не знали практически, что такое ягода и огорок их там никогда и не выдала. А теперь? Я уж не говорю о колхозных и советских огородах! Вокруг Якутска автотрассы дини, арбузы, ягоды разные... Якутск, по примеру Москвы, мы озеленили варосами деревьев: прямо из тайги. Но это все уже давно не в авеню и не лес. Хол В южной Якутии уже несколько лет, как плодотворно митурчиные абюны, завалены вышена, выгнаты!.. Вообразите себе ячку, человека ячку лет тридцати с несбавшим видом этой царств среди котювого палмени, мугвал на ячрке, треллся по тушдре. И вот он автунтас-автотрассы!

— Бмал шпрты, а ставл свам! — жесело подхватывала Елена.

— Сдмй мам, Елена Николаевна, ркстун не только за земан, но и за искала.

— Да, я неспала, что вывала Якутия это очень уютный геономорфологический район.

— Моим район, мугунчи! — Воробьев упоенно ячрка коричневыми кулаками. — Земле точно завла нас... Известны ли вам богатства Верхневосточного краев?

— Я помню, читала, что там искала олово...

— Ого-го! И никла, дорога, автотрасса! Кроме олова мы открыли там целый сад цветных и драгоценных металлов: никла, цинк, свинец, вольфрам, молибден, никель, серебро... Ну, как это вам пожелается?... А Батомские, Кагласские железорудные местонахождения? Вы знаете, что это такое? Это сотни миллионов тонн железной руды! И еще никла из порфиритовых месторождений! Это южная Австралия. Штуринские месторождения олово-висмутовой ячрки свинца. На меловой границе свинца озерные месторождения буре. Это то олово, свинец, серебро с блондентам спонимым небом, серебро

лась бескрайняя линия горизонта—большая вода, океан. Вдоль длинного мола белая как гигантские лампочки на вышках стрелы солнечные фонари. Ударяя гор брызгами бирюзы сини, а многие окна большого белого пятиэтажного дома распахнуты: в бугте было лето. Около набережной стояли разбросаны лодки и моторки. На рейде, подвывая, жале пшени, мятной, стояли маломоторные суда. К мону приставал адокоп. Густой, как хлопок шерсти, дым таил в небе: адокоп плавно поворачивал к мону свой законный в броне вертел. А на бортух его, высоко висящие над боргами, выстраивался люди. На краю мола адукопам, выгибая наветру гордое огромное знамя, и несколько шлюпок, восторженно взбрызгиваях волн тешой черемой, как крупная саблонка.

— Завесте... и за фотоснимке это выглядит прогрессом. Очень легко вообразить все это в увеличенном виде... и даже, кажется, оушешее...

И Елена, подвывая плечи и как-то по-детски морщась, всей грудью адукопа темный коминатный воздух—так вот, кажется, и оушешее свежий ветер!

— Что? Хорош ваш советский лесной порт? Пересером еще странну! Смотрите! Вот она, верфа! Видите, какие барки смолоты? Это чтобы по все стороны Союза отправлять наши богатства... Хотите, расскажу вам об этом, же леса, лес, абочья, золоте, серебре? Хол! Но для первого раза хватит и этого... А для чего и вам все это рассказав?... За всем этим чита! Люди!

И, приподнявшись за носок, Воробьев, подоткнув рот, зачем-то еще размыслено записал в воздухе: А-ю-да!

— За всем этим,—повторя он,—вы должны быть шакастеры, полотношатели, кораблестроители, колхозники, агрономы, инженеры... Нужно выстроить и расширить десятки крупных рабочих поселков, несколько городов «Дитямо», до десятка приписанных и районных домов культуры, школ, здравниц—и все это в южной Якутии летом жарко, как в Средней Азии. Ну... поедете к нам?

Его темные волосы валились крепко, словно дубы, сменяя оравенную папашину синюю краску. На лице его светился в сдержанной игре ментальность и упрямство.

— Аристократов у вас, как в воде, не хватает. Я сразу образовался, когда узнал, что вы аристократ. Не в школу, за все раздумываю вместе. Может быть, а мне неуважитель речи не все убедительно для вас? Я вам представляю цифры, утвержденные правым... Хотите? Нужно вам все это?

Елена взглянула в черные как аристократ глаза Воробьева: слегка поднятые и виски, они ярко лучились страстным охотничьим упрямством.

— Чего-то,—как и в первую минуту знакомства, подумала она и несколько думабывая.

— Ну?—радостно вскинула она,—Елена, совсем неожиданно для себя, решительно кинула ему.

Вы рассказывали о таких реальных вещах, что цифр мне, пожалуй, и не надо.

— Именно!.. Хорошо!—глаза его сверкали.—Куда будем оформлять соглашение? Запрет? Да?

Да хоть завтра,—отвечала она, оплетя вихуд, гордоимое изумлением самой себе.—Только в таком случае я должна сначала се сидеть за сыком.

— Он у отца?

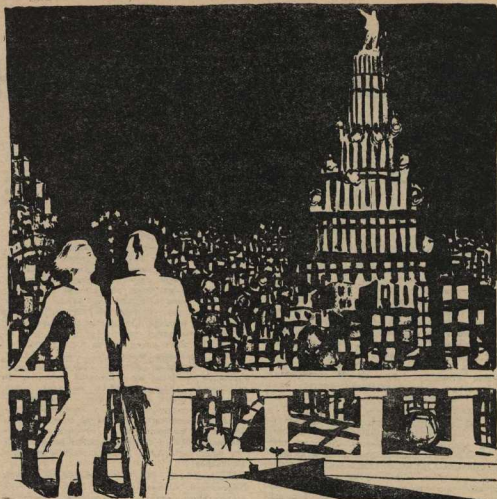
— Нет, мой муж умер, уже третий год.

— Вот как!—он цвел испытатель вердунт своим румянцем.—А у меня жена умерла... в прошлом году.

— А вы будто и рады этому!—бросила Елена. Этот румянец и сорвавшийся голос словно оробили ее.

— Нет, почему?—торопливо возразил он, сразу стесняясь.—С женой мной а прожма пятнадцать лет и любила ее. Она была смелая, фронтонья женщина, долго не могла расстаться с военной курткой и сапогами. Она была упрямая—времена—и ничуть не бергелась, считала, что «никакой чорт» ее не возьмет, и умерла от воспаления легких. И вот... Впрочем, простите...

Он как на последние глотки протиснул в глаза мурой, рассеянно слушающей Елену.

Как помня, далеко озаряя небо и звелю, сила ступенчатая белая башня Дворца советом, сотни окон ее яркой расплавленным золотом...

— Что мне от вас претается? Вы признаюлю погляди! Я рад, что вы являе, признаюлю! Все в вас меня разует... выпарить не могу! И на эти дни много думал о вас... так хотелось лодки и амбулатории. Вот этого ослонения вы и боитесь. Впалое естественно: свой труд, свое творчество вы оберегаете от всяких досадных помехоустроических случайностей. Прому вас верить: без вашей доброй воли никаких ослонений не будет.

«Вот увидела!—аудр весело подумала Елена и, расширив свои кучные брови, без слова, с чуть прищуренной поминательной улыбкой, подвела Воробьеву белую теплую руку.

Недалеко спусти Елену и Воробьев стояли у балюстрады верхнего кифа. Обширная терраса на три этажа имела крыше-сала подвешена, как биники, к термозависимому небу.

Дворец Наркомата тяжелой промышленности вздымался слева от них как гигантский корабль, проинвазивный огнем. А дальше, как пожар, далеко озаряя небо и возмало, сияла ступенчатая белая башня, сотни окон ее горели расплавленным золотом. Вверху, на высоте оравного поста, было вместию пародится с поларной звездой, упиал в подвальной оуе великая огнен, но знающий пела.

Воробьев взял со столыня дмянувшись чашку. В его загорелых пальцах она заблещала как в родне.

В прошлом году,—заговорила он, мягко усмехаясь,—привезла я Москву на седь ослот старина-якута, одного из знаменитых наших колхозников. Старик посмотрел на Дворец советом и даже вывалялся от восторга. Асиину вверх холма подала. «Ну,—говорит,—унидел я самое большое чудо света, теперь и умирать можно!» А вы же умерли, товарищ гужиней аристократ, вы вот подобный домик, хоти и меньше размером, но в основном не хуже востром... а?

— Это будет, например, дом колхозника,—подхватила Елена и тут же смолчала, точно ушла в тень.

— Что?—осторожно встрепенулась Воробьев.—Вас все беспокоит это письмо?

Елена покачнула получава письмо от одного своего старого друга.

— Да. Он пишет гутаво и даже дерзко, доваивает качество свое ипрямое на отклонение кот корми и общего движения и разное другое. А сам, это совершенно ясно, несомненно в таком разнере долго не протянет... Вот он мне пишет, слушайте!

«Ты, порывая все явны серды, как небезыталька, достигла всего, и потому радости и боан протистя серых людей уже недостому твоему помявению...» Ах, Андрей, Андрей... Это он пишет, что с детства лет назад я была несчастна, работя, а сейчас не оушудая под ногами... Но... эта эпоха прошлал!

Живущия гордо подвела голову. Упрямая предка стуслалась на ее широкий лоб и записала на нем как пучок молодой травы на безудной воде.

— Он думает,—продолжала она живым переломным голосом,—он думает, что я, торжествуя, ты и врасу в землю как облекис с выбитыми на нем избороженными славными дел. Да, а кое-что достигнуло. Но тем измене мне полюбил, да его нет и сейчас... Я всегда в тривоге: сколько драгоценного оружия надо охранный острым и метким. А знания мои, опит, арешная моя рука, всецелая моя хватка в работе, воображение, чувства... ах, как я богата! Я прокляну себя, если и цителюлет лет переставу радоваться, что влещий лист тополя вселюо пахнет смолкой. Презирайте меня, если через десять—пятнадцать лет я переставу видеть силу, ум и красоту в том, что делает друтой, пусть годный лист в смолочье...

— А любите вы себя мучить, доругал!—сказала Воробьев, еще не встав, ало ли ему изумляться вам оушудать!—Так нельзя, все-таки.

— Поидем слушать музыку!—перебила Елена. Глаза ее блещали.—Чувствуете ли вы, как-как в ней буря!

Их называют «отличниками»...

Слесарь-комсомолец Рыбаков работает в инструментальном цехе одного из крупнейших автомобильных заводов. Прекрасный производитель. Не «отлично» сдал экзаменский экзамен. Выступил в заводском клубе с теоретическим докладом. Темой было изготовление «проточки» (новейший инструмент, ускоряющий ее скорость металлических деталей). Случай, инженер, «отличник». Азидировал. Начальник инструментального подвала изобрел, где смутившийся докладывающий собрал аудиторию, и подал ему руку.

На вырванных из тетради страницах, четко исписанных, Рыбаков изложил (но очень последовательно, но попорно) все ступени технологического процесса. Он набросал карандашом контуры «проточки» в вертикальном и горизонтальном положениях, пунктирные линии, хорды и диаметры. Все это свидетельствовало о высоком, как будто бы, культурном уровне «отличника», но... вместо «элементарной» стояло «элементарный», вместо «сворачивать» — «сворачивает» и т. д. Рухнула последняя ошибка.

Весьма вероятно, что слесарь не удержал бы знания «отличника» в дальнейшем: неграмотность превалировала бы наружу. Дело не только в том, что слово «элементарный» написано неправильно. Орфографические ошибки изобилуют недостатком общей культуры у человека. Случайные заглавия, непонятные и книжные слова, страницы, немудре логически строили мыслить — вот о чем говорили отличники.

Однако парень был не из тех, кому алфавиты и фотографичный список в газете могут вскружить голову. Убогий свет похвалы от сам высокомерно сознавая. Вот уже год, как слесарь занимается в комсомольской школе среднего образования, вынимает из русских, на литературу, на географию. В цех попересказу он «отличник».

На авиационном заводе работает слесарь Аржанов. Тоже был «отличником».

Завод производил в выпуску новой модели. Пошла в производство неизвестные сорта стали. Появлялись новые чертежи, новые операции.

Товарищи Аржанова ходили в учебный комбинат, изучали свойства металлов. Аржанов не пожелал тратить время на такие пустяки — ведь он «отличник»! А когда пришлось снова сдать техзаказ, Аржанов сел на слова простых вопросов: не знал, что такое хромовольфрам, не мог объяснить, как добывается медь.

Увлекается Аржанов романом «Вторая Нина». Кто автор — не знает. Книга трельная, старая, перелесана из рук в руки. Описывается тут история какой-то бесстрашной Нины, прямой дочери старого казакского князя. Нина скачет на коне, размахивает книжком. Убегает в горы к бандитам. Старый князь в отчаянии. Вардт поворачивает некий Керем с прихвальной бордой. Он берет похитить Нину, но легкого бандитов, но требует золота и т. д. и т. и. И такая дикая чепуха плещна воображения передового комсомольца на передовом заводе! Заполняет все его мысли! А ведь Аржанов не читал ни «Подвиги детства», ни «Варгрома». Ему неизвестна ни одна вещь Горького. Пышет с оплывками: «обязательство», «справоздание»... Когда у Аржанова спросили о музыке, он не только не сумел назвать одного композитора, но и обнаружил непонимание самого слова «композитор». Он считал «композиторами» руководителей оркестров, директоров.

Познакомьтесь теперь с «отличником» Лидой Курсовой, окончила ФЗУ. Работает в испытательном отделе горьковского радиотелефонного завода им. Ленина. Специальность у Лиды тонкая: с наушниками на голове испытывает, регулирует маленькие радиостанции. Писк сигнализирует о неисправности конденсатора, скрежет — о плохой припайке блока. Надо уметь различать звуки. Но одного этого мало; надо знать радиотехнику. А как Лидя одолела какую-нибудь формулу Томсона о самоиндукции, когда она забыла алгебру, с большим напряжением извлекает квадратные корни?

Радиотелефонный завод как и авиационный, как и автомобильный, как и десятки других заводов страны перешла к освоению новых

моделей. И сам Лина с трудом разбирается в устройстве станины «Ада», то в «Крематоре» она уже ничего не понимает. Схема радиолоба не знает. Если бы сломался, Курсовая ничего сделать не может... И не удивительно. С тех пор, как ей выдала звание ЗОГ и почетную грамоту за «отлично», Курсовая почти не заглядывала в учебник. Но, может быть, она увлекается теперь чем-то другим: балетисткой, театром? Нет! Курсовая почти ничего не читает.

— Прочтено до половины и брошу... «признается «отличником». Не могу увлекаться книжками. Хотя бы это-нибудь пропала ласкательство, чтобы книжками стала интересоваться».

Нужно ли объяснять Лиде Курсовой, что «продать» такое «ластерство» сумеет только один «доктор» — ее собственная воля к знаниям?

Завод участвует в большой жизни страны. Аварийный радиопередачик, которым воспользовался на лодке Курсовая... Его собирали на радиотелефонном заводе. Может быть, Лина Курсовая отругалась прибором, которые бросали в эфир сообщения Шмидта. Маломосковский самолет «Р-5». Его конструктор и инженерю попались на авиационном заводе, где работает Аржанов. Может быть, ударяя молотком по закладкам, Аржанов вдруг истерически, услышав первый дребезжающий звук, и помчался это место милом, и всадил закладку потуже, и спас жизнь машины и летчика.

И вот этот самый Аржанов не знает твердо, кто такой Шмидт.

Простой вопрос мы задавали неграмотному «отличнику»: какую цель преследовала экспедиция на «Челюскине»? Вот как они отвечали: Лина Курсовая, Олив поехали на тепло, чтобы поставить жидкие, как у нас... Какой-то город трудный там... Маршрут? Не могу сказать».

Николай Афанасьев. Исследовать полярные местности, чтобы приблизить местность... точно не скажу... Это надо много читать.

— Вот он где, Япония-то... На островах я и думал...

Как представлял себе лагерь Шмидта некоторые товарищи.

— О, Нина! О, княжна! О, Лидия Чарокал!

Модель «культурного молодого человека».

ЛЕВ ТОЛСТОЙ и АЛЕКСАНДР ПУШКИН.—Разве-
щите познакомиться с вами, молодой человек...

—Хоть бы кто-нибудь провисел лежаче, чтобы
ни одним из вас не стала интересоваться...

Мария Кавезина. Зачем пришла, не знаю. У них на долоде латер баб. Потом их летчина слесли.

Лимин. Освоить путь между нами и Америки... По Азовскому морю, что ли... нет, не помню...

Спичаков. Они выпрямлялись на северный полюс, но потеряли аварию.

Про освоение Великого северного морского пути, про изучение особенностей Чукотского моря почти никто не сказал.

Заводы, на которых работают отечественные товарищи, имеют важное значение для обороны страны. Это переселенцы-предприниматели. Авиазавод считается первым в мире по степени сложности техники. Бригады «отличников»: Овина, Арижакова и Кузнецова—еще в начале декабря закончили программу 1934 г. Она занесена на доску почета. Свои производственные задания бригадники усвоили прекрасно. Но знают ли они, работники обороны, что наша возможный противник в грядущей войне?

«Отличники» Кавезина, спрощенная о протиниче, неопределенно различает:

— Капиталисты... они под нас подырают... может, Германия, а может, Франция.

Арижаков правильно указал на Японию, когда у него спросили, кто вынуждает войну против СССР. Но Арижаков не выводит Японию на карту, растеряно тычет пальцем в Индо-Китай и весьма удивляется, когда узнает, что японское государство расположено на островах.

Комсомольский бригадир Овина, гордость завода, на вопрос о финансах отвечает, что они... социал-демократы.

У Ханьфеева спросили, какие он знает капиталистические страны. Ханьфеев перечисляет: Англия, Африка, Польша... Звонюса. Больше стран Ханьфеев назвать не может. И он не знает, что такое фашисты.

Ханьфеев сдал технический экзамен на отличника... Но может ли мы все-таки считать его «отличником»?

Слова «отличник» родилось в начале второй пятилетки. Это—одно молодое слово. Тем не менее смысловое его значение изменилось и меняется дальше.

Вначале «отличниками» называли всех тех, кто на tehtизмаме удостоивался высшей отметки. Бывало так: парен работает плохо,

станов у него грязный, но теория решения затвердела наизусть,—и этого достаточно, чтобы получить звание «отличника». Потом требования повысились. Мало ответить на вопросы—те покажи знание техники на деле. Только тогда действительно «отличника», у него станок блестит, у кого нет брака, кто программу вымпонет и перемыкает. Но и этого теперь уже недостаточно.

Кимент Еремович Ворошилов беседовал с лучшим младшим командиром-отличником» Особой дальневосточной армии.

— Овладела техникой танка, научилась водить машину через болота, пади и толки,—дошла ли нарком тов. Кочегур.

— Умею летать в дождь, снег и туман. Все стрельби, в том числе и ночью, провали на отапливаю,—рассказала тов. Хорюшолов.

— Проходи, одея противника, сорок километром по пересеченной местности,—рыторова тов. Гравнов.

Вонд Красной армии с восхищением слушал эти рассказы. Но, поздравля командиром с огромными успехами, Кимент Еремович сказал:

— Нельзя останавливаться на достигнутом, надо работать как собой, не полагаясь тут. И прежде всего и больше всего надо учиться овладевать культурой. Если наши «старички» еще могут оправдываться тем, что они жили, когда нирод стоилад под игом самодержавия, когда люди жили в условиях аграрной эксплуатации, когда перед трудящимися сознательно ставились препятствия, меньшине им учить, то теперь абсолютно нет никаких причин, могущих оправдать неграмотность и некультурность...

Эти возражающие слова относятся не только к «отличникам» армии, но и к «отличникам» авиавозов, ко всему комсомолу.

Какие могут быть отговорки у малограмотного Арижакова, когда при заводе работают отличники и отличней комбинаты?

Что сказать в свое оправдание Курисова, за пологая не прочитавшая ни одной строчки, если в красном утолке ее щеза стонет шкаф, набитый книгами?

Можем ли мы примириться с тем, что «отличник» не знает, где находится Япония, хотя на стене кабинета, где он бывает ежедневно, расклеены географические карты?

Малокультурный рабочий не в состоянии добиться больших успехов на производстве. Чтобы не отставать от техники Запада, мы долж-

ны читать задания технические журналам. Надо овладеть английским или немецким языком.

«Отличники» Горьковского автомобильного завода организовали бригаду для помощи центральной заводской лаборатории. Хотят участвовать в разработке научных проблем автостроения. Прекрасное намерение. Но на территории науки со скучными културным образованием не забереются. Не зная алгебры и физики, не умея разбирать чертежи, не владея ни одним иностранным языком, чем ты можешь учиться и специализируешься?

У некоторых товарищей, в том числе и «отличников», сложилось весьма туманное представление о культуре. Идеалом културного человека представляется некоторым людям одетый в вагонетный костюм моряк. Этот моряк танцует и рюмку и фокстрот. Он безошибочно отличает ритм твигот от ритма блюза. Но это ведь не культура, а мимина. Не за такую культуру борется комсомол.

Мы против технической отсталости молодежи. Но мы также против полноты и полноты подлинной культуры высшего класса суррогатами.

Нам нужен не просто «културный молодой человек». Говоря словами Косарева, нам нужен културный боец за социализм. Именно в эту сторону направлены решения декабрьского пленума ЦК комсомола о културной работе.

— Заключившая свою беседу с «отличниками» ОКДВА, Ворошилов сказал:

— Одного овладения своей техникой недостаточно. Чтобы успешно разрешать задачи современного боя, необходимо полное, безотказное взаимодействие всех родов техники, всех родов войск.

Это—не только блестящие военно-тактические указания: танкист—знай работу самолетов, летчик—знай работу танков. Слова эти имеют и более глубокое значение.

Чтобы успешно решить задания боя за социализм, каждый боец должен изучить не только свой участок.

Вникать в работу всего огромного сложного механизма прелетарского государства.

Понимать взаимодействие частей.

Безотказно выполнять свою функцию. Вперед! Знать, кто из вас, который захочет сломать какой-нибудь винтик этого механизма.

Вот что значит быть културным в самом широком смысле слова.

Вот что значит теперь быть «отличником»!

НАУМКО И АГО

Станко Вуаки был арестован в Белграде и брошен в подвалах здания Главного управления центральной белградской тюрьмы, расположенной на старинных султанских конюшен. Здесь когда-то обитали дикие лошади и заперевшись исчертали провинциальных монахов и дворян. Сейчас здесь расформированы с коммунистами. С первого же дня Станко подвергнут нечеловеческим мучениям. Ему переломили ноги, руки и ребра, загоняли игом под ногти, иглам тело раскалывали железом. Тело превратилось в сплошную кровотокающую рану. Когда он терял сознание, его лечили. Затем пытали возобновлялись. Это тянулось пять десятков месяцев. Ему предлагали свободу плату за предательство. Молодой болшевик выдержал все мучения и до последней минуты не сказал ни слова. Он не назвал ни одного имени, не выдал ни одного факта. Ему разбили голову прикладами и страшно обезображенный тело бросили в Дунай.

Последние слова Станко были: — Я большевик и умру большевиком. ...Алия убоа провокатора, Комсомольца Алия звали все Югославы, даже немцы, отчаянный человеком. Он бросился в бой с плавниками, не имея никакого оружия. Он был инвентаром самых головорезствующих предателей. Даже в камере тюрьмы, за день до казни, его охраняли, боялись, что он поднимет тюрьму бунт. Ребята рассказывают:

— Утром, когда в комнату сколакнул первый солнечный луч, Алия возмущенно приветствовал его. Он попросил нас стелить революционную постель. Но стелим стелем, а Алия горло каждого из нас. Нам хотелось кричать, плакать... Мы молчали, мы били не в силах исплатить последнюю просьбу осужденного. Тогда Алия взвешал нас. И скоро все тюрьма была оквачена мощной мелодией гимна.

Это продолжалось утро, день, вечер. Во всей тюрьме Алия был единственным, кто совершенно не думал о смерти. В то утро, когда пришла за ним, все тюрьма с дробно слезала за его движениями, а некоторые, с кем Алия был наиболее близок, переживали состояние, близкое к обмороку. И только он — единственный — терпелив шагом прощах через строй тюремщиков, пройдя с друзьями:

— Желаю успеха, ребята! Не сдавайтесь! Комсомольцы не сдаются.

Он вышел с песней навстречу утру... Навстречу смерти...

Это две страницы из великой книги истории. Но сколько еще тысяч страниц написано югославским комсомолом! Югославский фланг вырвал из рядов комсомола десятки храбрых шест. Шесть секретарей югославского комсомола: Пало Маркович, Янко Менич, Мило Орешки, Колаумбо Голва, Аго Павлович, Исидор Дебалец — были зверски убиты фашистами. Памяти двух из них — Колаумбо Голва и Аго Павловича — посвящен наш рассказ. Их деяния — величайшая и прерванная школа борьбы, из которой можно черпать много вдохновляющих уроков.

Колаумбо Голва родился на рабочей окраине Загребя. Он не знал детства: с малых лет он познал всю тяжесть нелегкого труда и безработицы. Спасла его революционная оппозиция, сексары, он когды из города в город и бривался случайными заработками. Только с 1922 г. он твердо осел в Нише, в железнодорожных мастерских. В городе (по сербским масштабам это была большая город) была коммунистическая организация. И с тех пор, как Колаумбо стал оседлым, он сделался комсомольцем. В подвалах Главничя вымучил героя Станко Вуаки. В плену с тем Колаумбо признал его имя. И вая Сербия, как Югославия звали Колаумбо. Голва как бесстрашный революционер Станко. Имя Станко стало именем семьи.

Он работал, учился и боролся. Его любили за живость, за витализм, за горячую веру в комсомольское дело. В те дни, когда он вступил в комсомольскую организацию, работа была тяжелой. При подготовке революции от комсомола многих мобилируемых попутчиков, которые искали не работу, а славы. Тюрма, пытки, виселица — при одной мысли о том робкое мобилируемое сознание прокатилось в Фашизм уже вырвал из комсомольских рядов Паюо, Янко, Милю, десятки других крушевших работников. Аресты и продажи следовали один за другим. В комсомольском движении остались только наиболее отважные англы, беззаветно преданные рабочему делу. Среди них были Колаумбо и Аго.

Аго был так же молод, отважен и горяч, как и Станко-Колаумбо. Аго тоже родился в рабочей семье, только в соседях у него комсомольские родственники Ужиде. Он также с детских лет воспитан на своих палачах всю тяжесть эксплуатации. Думать сапожника, он с малолетства не считал чужим не разбивая стили, зарабатывал свои индустрические жалованье. Неизвестно к капитализму сдалава его смелость, труд был его главной школой. И эта школа привела его в ряды комсомольцев.

Тяжел, как Аго и Станко, особенно нужным был комсомолом в эти тяжелые дни реакции и террора.

Два ярких эпизода — начало их комсомольской борьбы. Их объединило единство заключенной в них революционной отдачи.

В Нише в дни реакции социал-демократы решили расклеваться с коммунизмом. Они решили, что настало время подчинить себе рабочий класс, отослать у коммунистов их кадры. Тогда против Янвичевича, их вождя, выступил Колаумбо. Он обогнал все законы, все мистерские, все деревни — ведале рассказывал о предательстве социал-демократов. Он стал трибуной. Был случай, когда ему приходилось в день исполнять до пятидесяти митингов. Старый опыт браковничества оказался совсем беспользеным.

Дело было сделано. Рабочие вспоу оттолкнули от социал-демократов. Младше комсомольская организация начала крикнуть Колаумбо еще раз в лес веру и верность. Но это то было еще мало: он готовился социал-демократам лучший урок, он решил над ними как сдаться, злободу, пометаться.

Двадцать своих лидеров прислали социал-демократы в Нише, чтобы покончить с коммунизмом. Для лидера Фашизма был обратят нинских претариане в социал-фашистскую веру, Поляция рабочею претариане, так ним самимую большую польду. Почему не поста-

ваться для своих? Комсомольцы спрашивали Станко:

— Иди или не иди на митинг? — Он лукаво улыбался и говорил: — Почему не иди? Послушаем, что говорят столетние люди. Пошлим. Собралось народу немало. Старый социал-демократический вождь Топалавич поднялся на трибуну и обратился к рабочим:

— Товарищи! Его опираетелся громкий крик: — Врешь, мы тебе не товарищи! Губы у Топалавича начинало дрожать. Но он старается не выдать беспомощности.

— Я вижу среди вас честных молодых людей. Вы должны учиться... Колаумбо становится перед оратором. Правильно! — говорит он. — Мы должны учиться, чтобы развалиться с такими предателями, как ты.

Из толпы кричат: — Долгой Топалавичи! Вои! Пропустивший оратор быстро вымрет в изгнание и безработие. Полицейские выйдут на толпу. Оруженный жандармы, поднимаются на трибуну другой социал-демократ — Павлович.

— Предатель! — кричит он. — Да, мы предатели! Но кого мы предать? Коммунисты!

— Рабочий ты предатель, подлец! — гремят из толпы — Вои!

Павлович прыгает за широкою полицейскою спиной. Жандармы толкают толпу. Но куда там! Колаумбо поднимается на трибуну и произносит горячую комсомольскую речь. Гремят аплодисменты. Беспомощно злобствует полицей. Социал-демократический митинг превращается в революционную демонстрацию. Два «вождя» тайком, ночью, под охраной полицейских уезжают из Ниша.

Зверски убитые жандармерий секретарь ЦК компартии Югославии тов. Дьянович (вверху) и секретарь ЦК югославского МОПР тов. Нетишмович (внизу).

Эта открытка, выпущенная немцами оккупировав МОПР, негласно распространялась в Югославии вскоре после их убийства.

РАЗЛУКА

У Аго было тоже свое боевое крещение. И о нем тоже надо рассказать.

В начале года Уиннибего была тафелая фабрика, оружейный завод и гидроэлектростанция. Горы, густо поросшие лесом, узкие берега речки Детина своей пышной соломой для немалых событий. А дружина егерей-охотников пошла на фронт, а потому завод, фабрика поршня много феодалная крепость... Можно ли искать другое место для сквоин?

Аго и выбрал это место. Снаряды вчерашнего ружья появились в молодом инженерном кабинете. По незримым тропинкам потакала в этот дворик молодежь Уиннибего.

Аго по поручению организации проводит первые собрания штабштафетной дружины. Вопрос у нас охотничий, охотничьи: мы должны иметь боевую дружину. Вы видите, фашисты хотят охотничьи нас и собирают своих боевиков. Мы должны сделать так, чтобы нас не арестовали. А дружина должна быть в страхе. Как-никак охотничьи и добычу. А эти крепостные ружья—лучшее место для нашей военной академии.

С тех пор десять дней занимались. Проходили и тактику и стратегию. А когда прошло десять дней, случился на тафелой фабрике инцидент, который сразу показал, что дружина оказалась не даром. Партия прислала на фабрику агитатора, который проводил беседы и раздавал литературу. Памятка разложилась об этом и внезапно нагрянула в самый разгар массовки. Но для комсомольской дружины не существовало неопределенности. Сигнал—на все фабрики пошла связь. Раздалась криком, потом началось выступление. Своих рабочие узнавали даже в темноте, а шепком здорово поговаривал ребра. Пела памятка в сеченье бросалась от одного к другому, ребята спокойно вывели агитатора за ворота. Свет заглаил слова, работа возобновилась—все было как обычно, и полиция пришлось с ружьями удавиться, несомненно заблужден. Вот какое боевое крещение—это был Аго и Станислав и Аго. И стоит им удивляться, что рабочая комсомольская молодежь сразу выдвинула из себя два своих руководителя?

Город Ниш стоит на берегу реки, и на берегу Нишнем совсем недалеко от Нишса, есть тоже своя гора, развалившаяся крепость—память о сербском средневековье. Но сейчас река пойдит не в свой, река будет о не большой текстильной фабрике, которая находится неподалеку от крепости. На этой фабрике выпущена заплата. Ну, а какая же заплата в Нише могла обречь без Колумбо? Колумбо, замаскированный, приехал из мастерской, выбежал во двор фабрики и стал говорить речь.

— Не отступай ни на шаг! Выбери заблаговременный комитет и пойдешь на демонстрацию. Товарищи, вперед наше боевое знамя! И тогда кричат «Правильно!», приветствуют, потом начинаются выборы ставкома комитета, и первым из десятков голосов вырывается имя Колумбо. Выборы заняли несколько минут. Демонстрация на улицу и дальше—прямо на Ниш. В Нише уже ждали. Конная полиция выматывала за город. Отряд полицейских разогнал нас на мосту.

Передо мной записки—остановилась. Тогда Колумбо командует:

— Вперед! И, словно взятая в штыки, демонстрация дружины обрывается на несколько шагов, разворачивается к Жандармским стенам, обрывается. Они судорожно бредут в стороне, не решаясь вступить в бой с тафелой демонстрацией. Так они «проповедуют» демонстрацию до самого центра города. В центре Колумбо снова произносит речь. В этот момент за демонстрацию разбегается конная полиция. Демонстрация разбегается по улицам и переулкам.

По домам, товарищи, по домам! Колумбо—Товарищи рабочие, к работе не приступайте! Хозяину пришлось уступить и смириться. Колумбо одержал победу. Это сделало его имя самым популярным в Нише. Аго снова произнес, что я люблю каждый прометрий Ниша. Описывая полиция свистала ослоня из комсомольцев, которого Колумбо послал раскладывать прокламацию. Его пытался. Он не выдержал и вылетел из того, что его пытался. Аго снова произнес: стовала Колумбо. Несколько дней его поддерживали мучительнейшим пыткам.

Назвать имени! Колумбо молчал. Самая сумасшедшая пытка не вырвала ни одного слова, ни одного слова. Он стиснул зубы и безмолвно вынес все пытку. Целый год его таскали по старым сербским

застенкам, малюхом сбрызгивали той же знаменитой Галичичи. Наконец, доведя его до полного истощения, охранники бросили его на подмошку суда. Суд вынул его без освобождения «за отсутствием улик». Наказной палач не сумел бы вырвать из него этих улик.

Комсомольская организация Ниша ждала его. Вскоре по выезде из тюрьмы он был избран ее секретарем. И слова он порадует всех своей исключительной работоспособностью. Никто не знает, когда отлучает Колумбо. Написанные выборы в партию. Колумбо организует группу по распространению коммунистических плакатов и прокламаций. Долго ловят ее полиция. Фашисты устраивают засады, обстреливают группу из пулеметов. Гибельно человек ранено, другие, которые связались фашистскими бандитами, Колумбо приказывает:

— Ослободите товарищей! Митинговать—фашисты молодежь барютелем под налетевшим взрком комсомольца. Арестованные свободны.

Целый отряд полицейских бросается за помощью фашистам. Колумбо слова командует:

— Вперед! Отряд митинговать такт, слышно его не было вовсе. Полицейские выследили главную добычу—Колумбо. По его следу бросается целый взвод Колумбо, бегут задерживая, темными улицами, выбегают в здание-то завод, проследует вчетверо через каменные дворы. Он чувствует, что погоня далеко, что след потерял, что он на свободе.

Ну, что же! За работу! Утро как всегда является определенными работами об организации, о том большом деле, которое ему поручила партия, которое он считает самой большой священной своей жизнью. И потому, что он сумел прожить это дело через все трудности подполья, потому, что весь комсомол увидел в нем настоящего вождя, и концы 1927 г. он был избран секретарем ЦК югославского комсомола. Это было почетный и опасный пост.

Эту честь оказана с ним Аго и Станислав. Когда партия послала Колумбо на работу в Аго, Аго остался его заместителем. Аго тоже работал в ЦК через Дель бойинки испанской. И он сумел прожить это дело через все трудности организации живым делом, что он способен был вождем. В активе его биографии много связей с партией. Что стоит одна боевая миссия 1929 г. когда рабочие и крестьяне из молодежи Уиннибего под руководством Аго с помощью прошла по улицам города, последние откопала с моста полицейскую заставу, звали центральною площадью Уиннибего и звали бурный митинг на глазах ошеловленной жандармерии.

Но полиция твердо решила довести эту иронию до конца. Оставалось последнее средство—провокация. Это было непростое и Колумбо и Аго любили изучать провокацию и оставалась их ни с чем. Но и у полиции рос комитет: после долгих поисков она, наконец, отыскала того, кто ей был нужен. Это был опытный провокатор, он вел свою работу тихо и незримо, когда все было готово, дал сигнал.

18 августа 1930 г. Аго и Колумбо пришли на конспиративную квартиру. Смесь и разговаривали, они оторвали дверь, вошли... Секунды были—завалась тишина—и вдуло:

— Рука вперед! Из-за шкафа выткнулась рука с револьвером. Назвал! Но куда звать? Из всех углов лезут проклятые жандармские рожки.

Колумбо успевает выхватить зарвавшийся браунинг. Он вытаскивает руку, готовится астрелять. Несколько пуль пролетают совсем рядом, промываются в стену. Колумбо вылетает в крошечку. Револьвер отпадает в сторону и разряжен. Аго успевает выстрелить несколько раз. Он бежит, уже раненый, но все еще стреляет. Пули жужжат в ушах. Улица. В глаза мечется черно-испанский ангел. Давно уже покидает его. Но он еще продолжает отстреливаться. Потом голова его складывается все ниже, и в последний раз из груди вырывается гонимый, недоураженный голос:

— Да здравствует революция! — Какой-то шпик припадает и стреляет ему в лоб. Аго мертв. Мертв Колумбо.

— Смигите шпика, товарищи, перед тем, кто ждал и умер дал! Перед тем, кто ждал, как жавя пронеслись через тьму беспривия и террора, оставив неизгладимый след в памяти милого.

—Море вижу гудало,
И в пену, бела мала,
Черною грудью

...вредился мне...
О митинг, спелая рука,
Мы говорили,
чтоб стиснуть миссал
о разлуке,
Дилетантской и жестокой,
Что приведет
с востока

Неудержимо злудный лис,
Гор золота отрог...
Крепко редеет лисей
Прошедные дороги!
Как плавил мы слова полночь
По травам косматым,
Густым и несматим,
И плахуан митой

Слова наши, поминим?
Возраде,
через ненагоды
Шедшая с нами гудом,
Пела и в этой разлуке час
Звучной трубой...
Где бы мы ни были,
Нас,
и весте-таки,
а вое!

Ночь... Я крадусь по Соколовой! —
Ты— Площадью Комсомольской
Шаг уберешься,
спеша в райком
Станиславский на собрание...
Я тоже явлю... тайком...
Хмурится дальнее...
Ты говоришь

О будущем... о растущей стране,

Тебе подсказать
сквозь пространства
о том,
Где
о заветной мечте поколений
(Птица, кажется, том...)
Вспоминает Ленин...
Без устала,
день за днем,
Мы строим наш общий дом,
Дружной своею силой в разлуке,
Ты—там,

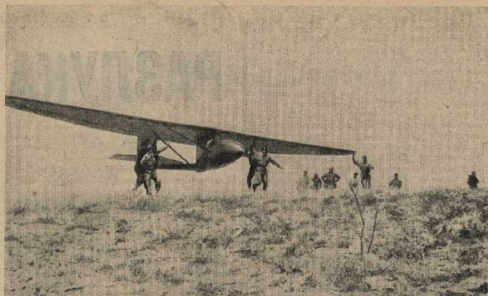
И не забывает руки,
И стены
растут.
Поминим, как жила бран,
Море гудало, и дело
Небо,
и ночь редела,
И радостно разовала
И плахуан митой
жизнь?

Порвел с пыльною

Борис Любедев

1 Улица в Варшаве.

МЫ НА ГРАНИ ВСТАНАЕМ

Чтобы сдать военно-технический экзамен, комсомолец должен пройти первые упражнения на планере.

Знать авиационный, автомобильный или тракторный мотор — обязанность комсомольца.

Надо уметь прыгать с парашютом с парашютной вышки и с самолета.

Осенью прошлого года и радиацию принесли телеграммы:

«Сегодня ночью проведена городская военизированной комсомольская тревога и поход члчк утром оборонный комсомолец с винтовками противниками мужской и женщины прошли по джунглям члчк и на тихом океане своей авиационной полет».

ВЕРВКИН.

Телеграмма была из Владивостока. Несколько позднее из Хабаровска и одновременно из Дюбасса, из Амурска пришла сообщения. В них говорилось, что комсомольцы-шпактеры и дальневосточники-решили проводить военно-технический экзамен.

Поход, «заключенный на Тихом океане, и «тревога», проведенная перед этим во Владивостоке, была лишь началом военной учебы комсомольцев Дальнего Востока, а затем и всего Союза.

Начинался первый тур экзамена. Шестидесят вьезд от Владивостока. Рядом гравец. По ту сторону от Мичевский. Оттуда на каменную одаме коты Тавричанки астер доносит гром японских пушек, горький апах пожара.

Заной комсомольцами Тавричанки являлся путешествие на колес аламан и прерывали его в тир. Трубу старого кирпичного завода они передавала в парашютную вышку. Отпустили — младший командир тов. Н. — проводила с комсомольцами военные занятия. Отличной стрельбе, он передавал комсомольцам вопей секрет снарядной стрельбы, свой опыт бойца-дальневосточника.

Когда был объявлен первый день экзамена, в забав, на поверхности, в народный, ожидая смени, комсомольцы говорили об одном:

— А что такое баллистика?

— Далеко ли может пролететь бомбардировщик?

На экзамен в младшей клуб являлось все население посела. Пришли старые партизаны, пришли взрослые рабочие с женами как на праздник. Экзамен полновластен.

Первым проверялся забойщик шахты Янгарева. Он коротко, только перечислял обязанности часового. Электросварщик Беланов вышел в столу с винтовочным и рассказывал, как им нужно пользоваться.

В этот день экзамен на «отлично» сдали 40 комсомольцев — вавачад тавричанской молодежи, ее передовики. За ними стояли 300 «вооруженных» студентов, десятки молодых парней, хотевших стать бойцами Красной армии, ее специалистами.

Ночью молодежь Электровзвода уч...

ИЦЕ ЧАСОВЫМИ

Экзамен выдвинул новый комсомольский актив: комсомолец Люба Фролова стала «второшколами стрельбы» и инструктором стрельбой подготовки; аспальцин Скрипачов—организатором военной учебы.

Но экзамен сдавала не только молодежь. Славян его и старина. Итаров, шахтер с тридцатилетним стажем, и старейший рабочий Изотов каждый день тренировались в тире. Шахтеру Владимиру Ким 50 лет, но годы не помешали ему стать «преподавателем» военного дела среди воробьиной молодежи поселка.

Опыт Тарковичи подхватил весь Дальний Восток. Комсомольцы перешли границы тихоокеанского фронтоза.

Военно-технический экзамен подхватили все комсомольские организации. На Кавказе в Архангельске, во Владивостоке и в Кисловодске комсомольцы изучали военную технику. «Мы на границе встанем часовыми»,—так от имени всей молодежи Республики заявили Всеборусский клуб молодых ударников обороны.

Весной 1934 г. Центральный комитет комсомола обязал всех комсомольцев сдать военно-технический экзамен и установить минимум военно-технических знаний для каждого комсомольца и комсомолки.

Чтобы уметь защищать свою родину с оружием в руках, надо знать это оружие, в совершенстве владеть им, стрелять отлично, поражая сердце мишени как сердце врага. Каждый комсомолец обязан сдать нормы стрельбы на звячок «воробьиловского стрелка» первой степени. Каждый комсомолец должен быть мастером воробьиловского выстрела.

Бегло читать топографическую карту, знать условные топографические знаки и уметь по карте ориентироваться—это также требуется от комсомольца, если он хочет быть полководным бойцом.

Мужество и бесстрашие—качества красного бойца. Этих качеств должен обладать комсомолец. Воздушный спорт, авиация, гимнастика, парашютизм—развивает смелость и отвагу. По нормам военно-технического экзамена, каждый комсомолец должен пройти перые упражнения на планере, совершить прыжок с парашютной вышки и с самолета.

Наша армия насыщена высокой и сложной боевой техникой. Автомобиль, танк, самолет—вот те боевые машины, которые в армии встретит молодой боец. В армию комсомолец должен приходить вооруженный знаниями мотора. Знать авиационный, автомобильный или тракторный мотор—обязанность комсомольца.

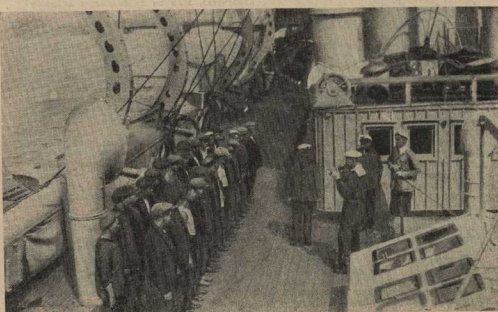
Быть готовым к защите от удушливых газов!

Знать боевое оружие, в совершенстве владеть им

Служба в воинизированном походе.

Ленинский комсомол—шеф военно-морского флота. Из комсомольцев, отлично сдавших военно-технический экзамен, будут подбираться кадры будущих боевых командиров флота.

—Какой породы эти гуси?—так на одном из пленугов кабардино-балкарского обкома партии спрашивала партизиец Бетал Калмыков.

С. ИРУШИНСКИЙ

БЕТАЛ КАЛМЫКОВ

Рыхлый земной лад оседал и ломался под тяжестью «фордiana». Слова и снова делалась «фордiana» ядкими комками за глотку лад— и снова лад обламывался и тонал, и снова колеса, упившись за крошку лад, буска, по-немногу толкали машину вперед. Подо лдом кипела мутная река. Когда «фордiana» вымрался, впопыхе на пессор, шофюр выключил мотор и противу дроздающую руку, чтобы открыть дверку. Но пассажир молча взял его за плечо и посадил на место.

—Сядьвай с дороги,—сказала он совершенно спокойно.—На дороге не останавливаются.

Таков этот человек. В его спальные висит трапеция. По утрам он отбрасывает колоидный волод. В свободное время он выводит в парк дам едет верхом в лес. Раз ловил сорвался с узкой тропинки и перекачался через селок, прижав его к земле селком. Через несколько дней селок ехал в Москву, на XVII Съезд партии.

Таков этот человек. Он вылезал на машины и тонул в рыхлую землю изматеритную ливнейку.

—Девятьдесят,—сказала он, и сетели стали смотреть в зеркало. Он вылезал за поручи пада и проехал несколько метров.

Плут шел криво и порывался вынуть лад мехом шаруку.

—Вы грешите, а не пишете,—сказала он. Доста из-под сидения гашетный ладон и стал регулировать плут: цену, отвал, ливей. Потом он проехал тон. Ловил шагали ладче, хотя земля вырвалась теперь на 20 сантиметров.

Когда плути под его руководством стругировал последний плут и он сел в машину, рядом оставался другой автомобиль и из него вылез рослый человек в защитном.

—Сядьвай в кабине?—спросил Бетал человек в защитном.

—В этой бригаде я был сегодня утром.

—Зачем ты зря бежишь пешком? Ты смотри плути! А еще советарь звалывалского райкома, в областном центре живешь! Ничего не знает и не учится. Курсы пропускает.

Налов всем туловцем влезал в машину, да слогая молчаливым и как бы призывав собеседника говорить тише. Но тот продолжал еще трещать:

—Какошников австалываешь учиться, а сам не учишься. Каковой, Асламбий, будет толк в руководителе, если он не возьмется за учебу? Таков этот человек.

Бешей, кому доводилось заглядеть на эту страну с ее тучными урочищами, с ее образными полесами домами, с ее фундаментными изваяниями человеческих поселений—агрогородков, с ее колдовскими гидроаэропространствами в ущельях, с ее озорной, вельной сплывшей—вешней, кому доводилось побывать в Кабардино-Балкарской области, ладла случаев похвалять Бетала Калмыкова, секретаря обкома партии, с чьими именами связывала слава этой страны.

Это истинный сын народа. В детстве он носил войлочную одежду и лас какавский скот. И он вобрал в себя лучшие национальные черты трудящихся кабардинцев: он решителен, прямолинейен, тверд.

Прекрасный наездник. Люди, проводившие верхов полжения, выходят полюбавиться, когда он садится в селло.

Он заводный герой. Еще в тринадцатом году он скрывался в трущобах Балкарского ущелья, и селоборные бунтовщики рассказывали по слухам о безстрашном юноше. После Февральской революции он пришел к повстанческому старшине и сорвал со стены портрет Николая II. Власть в горах скрывалась от врагов, что самодеятельное плано. Растерявшийся старшина не знал, посадить ли Бетала в клетку или отпустить ему как представителю новой власти. Затем Калмыков пришел в Налчичк и

стал собирать под красное знамя кабардинскую и балкарскую бедноту. Он шел первым в сражения, которые оканчивались победой партизан.

Когда победа была одержана, он, торжествуя вместе со всеми, в первые же дни говорил о новых задачах, еще обильнее, чем вмолозивание, говорил в глаза каждому о его миссии, о том, с какой жаждностью надо теперь браться за культурное и хозяйственное строительство.

Едва заложил в горах пережиты последние выстрелы, он сказал на съезде советов: —Мы пользовались поддержкой народовластия, заправивших партией, а не советами. Эти люди хотели бы убрать кое-каких князей и кое-каких коммунистов и сесть на княжеское место. Но пусть знают они, пешине за нами, что место за нами не пойдом, что мы не отступим ни на один шаг с наших позиций.

И действительно, сколько отбыло от партии и революции этих Хатвановых, Гимурных и Абаюковых, мистических привидений советов и партий, т. е. подчинить советам партию, а народ, осознанный силой от арма помещичью, впрямь в ярмо буржуазно-демократическое.

Бетал Калмыков умел вовремя раскрыть их тайные замыслы и вовремя выбраться из их селды.

Но, конечно, больше всего он вырос, гигантски вырос, руковоля строительством области. Первой оспитие, первый аминция всего народа, он сделал так много, что победы моллозом Кабарды и Балкарны неотделимы от его деятельности.

¹ Шарит — мусульманский «свод» религиозных, гражданских, уголовных и всяких иных законов, разработанных на основе Корана и определяющих обязанности и поведение правоверного мусульманина.

Знают его все: школьники и учителя, доярки и агрономы, дети, не призываемые по молодости на флота или в армию, и старика, поседевшие еще в прошлом веке.

Знают и всегда ждут. Он может появиться ночью в детдоме за пробрать администрацию за то, что ребяташки спят в непроветренной комнате. Может рабобить на рассвете секретаря партбюро и сказать:

— Гм лодырь! Колхозники давно уже встали!

Он вдруг вымывает в полочку машину и едет провонять, как в таковой МТМ ремонтируется мощный «свечоблиц». Или садится верхом и едет сивозв заросли терновника на участок, где выдета раскорочка кустарника.

И все это у него не от суетливости, от редкой внутренней организованности и отчаянного знания всей жизни области. Если он едет ночью, то на это есть особые причины, точно так же, как результатом специальных расчетов является то, что он едет в эту МТС, а не в другую, в а тот колхоз, а не в другой.

Он знает все, держит в руках все нити, и область делится для него не на районы, не на МТС, не на совхозы даже, но на бригады ласты.

Бетла Калмыков часто говорит:

— Назо, чтобы колхозник верла каждому из нас, как себе. Чтобы он знал, что у каждого из нас не две души, а одна, но два закона, а один, не две идеи, а одна; и для других и для себя.

И он, действительно, так живет и работает, что ему верят больше чем себе. И других заставляет так жить и работать.

В 1933 г., в дни всеобщей мобилизации на дому кукурузам, он сам встает в бригаду—и не один, а с женой. По ночам и во время законного обденного перерыва он просматривал сводки, высусывал доклады и подписывал телеграммы и постановления. И ежедневно переписывал нормы. В этом же было и тени рисовки. Он всех вокруг себя заставлял лодать кукурузу, а с весны добивался, чтобы каждый изовой активист—председатель колхоза, секретарь райбюро—не менее плоховым званьясьявляем ему трудней обрабатывал в поле.

В Нальчике он открыл класс машиноведения и агротехники для областного актива и изучал вместе с другими паук и трактор, способы борьбы с сусудами и привил уюда за свиней. Он ревностно держит звание первого ученика.

Участие актива в физическом труде и изучение техники имеет ни с чем несравнимое значение для страны, где еще недавно труд был синонимом рабской покорности. В таком духе рывные «воспитывалом» душоенство кабардинцев.

В конце концов между Бетлом Калмыковым и трудившимся области установилась особая взаимная понимание, понимание с плукалова.

Когда на завалке агрогорода «Ленинцы», держа в одной руке перовой кирочк, а в другой лопаточку каменища, Бетла сказал тихо и сердечно: «Этот кирочк мал, но ведь все больше для большенского земляника с молодого»—все встретили эти его слова как непередающую истину, потому что помнят Калмыкова начинавшим с малого другое большое дело: помнят, как с горстой плукалова открылся Бетла горным тропами из белогадейского тыла в советский район за оружием.

И когда на всенародном торжестве по поводу вручения Кабардино-Балкарии ордена Ленина Бетла спросил:

— Спасем ли урожай от засухи, повернем ли реки на поля?—пятидесятитысячный хор разноголосо ответил:

— Повернем, сделаем.

И еще:

— Пойдем ли с орденом Ленина в первом ряду свободных народов?

— Пойдем! В первом ряду! Да здравствует орден великого Ленина! Да здравствует Сталин!

Пятьдесят тысяч трудящихся—треть взрослого населения области—колхозники по району зашливая опорожно площадь, обделанную землем. Они кричали: «Сделем! Ура! Ура!»—и не зная, как выражать радость,

В артели «Чегем» Бетла Калмыков показывавет колхозника, как надо пахать.

Бетла Калмыков ревностно держит на агротехкурсах звание первого ученика.

Делегация осветни-инженерских колхозников приехала за опытом в Кабардино-Балкарию. Делегаты беседуют с Бетлом Калмыковым.

«Красный пролетарий». Общий вид завода.

Георгий НИКИФОРОВ

Фото Б. ИВАНЦИНОГО

ПРОВОКАТОР*

К Егору Бромлей пришла депутация—рабочие просили воззвания вступить на переговоры (а может быть, рабочие и поубоялись).

— Ну что ж, я готовлю,—утраивающе согласился Егор. Иисуса поглядел на дядю. Федор Бромлей сурово молчал, перебирая бумажки.

Что подзадывая спиной и повода палачам, взошел Егор Бромлей на возвышение, сунул ругань в карманы тулгури и встал к представителям рабочих: Моссеусу, Сивоколу и Яйрору—както по-своему, а поубойбор, как становится босеры в начал бже. Он не стал нужным спросить, зачем его просили прийти, что надобно рабочим и зачем собрались они на завод, бросил обложку своего рабату. Оказо единственное слово сказао ни:

— Ну-с?

Тогда вся тысячная толпа рабочих немедленно зашумела, заважала дудками, струдилася около возвышения, так что перние ряды едва сдерживали напор товарищей.

Моссеус поднял голову и взмахнул бумажкой, где изважонны были требования рабочих Вавкина, пока утка шуму, зарываюноно приквалде читать.

Егор стоа, расваоно шмтра в сторону, как будто его и не касалась то, о чем читали. Он —

* Отрывок из романа, написанного по материалам истории завода «Красный пролетарий» (6. братьев Бромлей).

брегажно выпятил губы, слава сдериваясь поозову. Только мускулы лица, каково-то скрытые шипшны, подергивали шую...

— Мы требуем,— читал Николай Моссеус—восемнадцатого рабочего дня, свободного правдования Первого мая, помышения заработной платы всем рабочим, в особенности чернорабочим и ученикам. Мы требуем улучшить санитарно-гигиенического состояния в антиной цехе и во всех других цехах, где устройства парового отопления в антиной, увеличения количества электрических лампочек, душа и прочее... Мы требуем увеличения с завода заведующего мастерским Арьялева...

Чтод умогал, и настояжонная тишина свидетелствовала, что вопрос поставлены асерез и никто из рабочих не согласился уступать.

Егор Бромлей поднял голову. Похоже было, будто угодно он на это собрание случайно и теперь илелюжетает. Получил с полмолуток и отчитался, почти не помыная голоса, сказао:

— Прежде всего вы бараны. Да, да, бараны... Из этой гальматии, которую вы называете требованиями, я принимаю только одно—прибавку жалования чернорабочим и ученикам. Но два пятка на день и тея и другим. Все остальное меня не касается. Может случиться, я устану золотом всю уанцу, от ворот завода до Калужской площади, но ни одной копеей

ки вам не прибавлю. Можете делать, что вам угодно: жаловаться, грозить, даже убить меня, если поможете,—и только тогда, перешагнув через мой труп, вы сможете получить прибавку. Помните вам это? Ну-с, больше мне разговаривать с вами не о чем.

Егор Бромлей повернулся спиной к собранию и удалился так же медленно и важно, как и пришел.

Литтеичик Николай Моссеус поглядел вслад хозанину, усмехнулся многозначительно и утражовалде.

— Ну, ладно, увидим, как будет дальше,—сказао он, прича требоваия в кармаи.—Уступать мы тебе не намерены.—Однаку собрание широкое, спавиюнон язгалом, как будто хотело принудить всем: «Держись, ребята, бой-нашметел! Но, аманята заводоуправление люди рабочих, предупредиле!»

— Сивокой, товарищи, без толку не ори-те я, главное, не гордитесь. Не давите повода шипшываться молчали, остерегайтесь провокаторов.

Фабричный инспектор барон Тимплат, нагая по своему кабинету, дитвоал секретарию.

Завестова на заводе братьев Бромлей, воанеже весь заводоуправляе и фабрикантов Московия пришло ирталвам случило, размеренноу изважон канцелярия господина фабричного инспектора. Барон овивался. Он кричал, негодовал, собирался ного-то сунуть в бараны раб, однако все это было повазольно иргой... Господина барона трусли.

— Гм, да, весьма удивительно, откуда это, по какому, я вас спрашиваю, причиною могло проинзой? Вот что и я не понимаю,—бормотал он, утражовываясь на ногах, аспурируя ругань в карманы тулгури.—Боже сохрани, черт возьми, если примнут к заботаме другие заводы. А? Я вас спрашиваю!

Секретарь только анимал, отвста не требоваал. Он держал наготове отточенный карандаш.

— Так вот,—оставилась барон Тимплат перед столам секретаря,—пуэно немедленно выписать обьявление во всех цехах завода Бромлей и в ворот, конечно. Я уже договорился с Бромлеями, спините так... Или спините следующее:

«Рабочим механического завода акционерного общества бр. Бромлей объявляется следующее:

1) Ни одного из требований, заявленных рабочими и записанных в протокол, составленный на заводе третью июля сего» 1903 года, заводоуправление удовлетворить возможным не находит.

— Вот здесь, как видите, отстраняется самая возможность пред'явить требования,—показал инспектор своему секретарю, которому монше всего нужны были обьяснения, но секретарь покорино кинул голову и еще покорино не отстранялся.

— Так точно-с, отстраняется.

— Следующий пункт, второй,—продолжал инспектор,—должен смграть двойную роль. Записывайте!

И секретарь записал: «Осуществлению измененного, без малейшакого утверждения господном заводоуправлением заводом А. А. Афанасьевым, 20 июня с. г. обьявления о порядке выдачи удивительных записок фабричным инспектором составлен протокол, который передан на рассмотрение Московского, столичного, по фабрично и горнозаводским делам, присутствия».

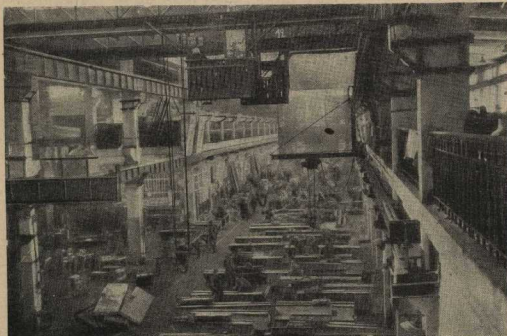
Секретарь не выдержал, позволил себе улыбнуться и даже покосился головой:

«Ах, господина инспектор,—говорил его улабко,—до чего же тонко получается: с одной стороны, как будто бы мы признаем, а с другой...»

— Иисуси, пункт третий...

«В заключении, признавая требования рабочих несоизмерительными, на существующих заводоуправлении, всем рабочим предлагается сосозия же стая на рабату. По отпущению и рабочим, стваивим на рабату до 8 часов утра 5 июля, заводоуправление выражает согласие ограничиться лишь неуплатой за время отпущения работ и штрафа на рабонх не устанавливать».

Барон Тимплат доволен своим умом, распорядительностью и административной наход-

Новые цеха. 1934 г. Сборочная.

чительно. Секретарь инспектора—тем, что он наравне с начальством участвует в собраниях...

Литейщик Николай Моисеев, Иван Шаров, Рослав, Родченко руководили стачкой. Моисеев председатель партийного ячейки завода: — В одиночку мы ни черта не сделаем; у наших людей сила, всю полицию на ноги поставим. Кстати, предупреждаю, среди нас завелся провокатор, надо его держать востро.

Моисеев огладе собрание. Сидел, нахмурился, Шаров, взвился по сторонам Карелин, ласково улыбался котельщик Григорьев,—решо лицо его было такым откровенным, как будто Григорьев собирался сказать:

— Я, товарищи, ей богу, не при чем, верше сюртук, а человек честный.

Поднался Шаров, прышка в столу, решительно вступил в разговор: — Ну, вот чего, молвок боитесь—я лес не робит. Я так думаю, надо нам теперь, это самое, связь с другими заводами наладить: ребята от Густава Листа прибегали, держались, говорят, и мы скоро тарарам устроим.

— Это как же, когда же?—дорулся Григорьев. И явдур покосился, сунулся, торопливо заговорил: «Вот хорошо, вот значит, подемлю по всем заводам. Ежели другие заводы, тогда что же!».

Моисеев поморщился: — Не суетись, товарищ Григорьев. Что это тебе будто под зад козылкует?

За стеной мягко шевелилась теплая июльская ночь. Роса омыла пыльные травы, тронула робкое желание вранья завода и освесила самую лужу.

Расходясь с собрания поодиночке. Насторожились около каждого угла. Огладились назад, опасаясь слезки.

Последним ушел из собрания Григорьев. Он ничего не опасаясь и был оживлен. Беззаботной походкой прибавляясь он к первому участку Серпуховской поименной части. Заметав в оманк огня, подумал: «Эге, вы высокообразованне на своем посту». Зарылся в карманы галавски по сторонам: «Слава богу, ни душни вокруг».

Внезапно на ярмарочном боевом петухом. В самом проходе слышались проскальзывания. Густо гудели за дрыные мушкетеры. Григорьев решительно тешу палецем в ямку званка. Дверь распахнулась немедленно. В огромной комнате с вылезшим потолом, сидели, стояли и разговаривали старшие члены полиции.

Разговором на мгновение прерывались. Пристав Гриневич, восседавший за столом, выткнул и без того длинную шею. Григорьев улыбался, приподнял над головой фуражку, шагнув к столу и соскочу по-актерски сиюму, сдвинул глубокой затянкой поклоном. Тогда все снова зашумели, закричали вразнобой:

— Ах, ваше вам...

— Забастовщик, честь, потешнее...

— Добро поглядывать, любезный, с какой новостью?

— Новости, ваше высокообразованне, на ушко...

— Аа... гм... так, так...

— Что у вас хорошеенького?—спросил Григорьев, усаживаясь в пододвинутое кресло с независимым видом и так удобно и широко, будто пришел в ресторан, где можно хороню отодуться и похемкаться.

— Хорошеенького, Сергей Григорьевич, что-то не предвидится,—горестно прищмыкнул Пристав,—тоги и гляди как бы ваш брат «Красный» лодком не шаркнул в списку.

— Хе! Это мы, ваше высокообразованне, молем, но только, думаю, все обойдется. Я на бога надеюсь, ваше высокообразованне, молитву твою, ваше, господь бог за царя небесная не потустат. Хе, хе!

— Не потустат, говорите?

— Никак нет, ваше высокообразованне, не потустат.

Забросил ногу на ногу, хохотнул самоуверенно, будто действительно был бываю знаком со своим богом, который покровительствовал ему одному, котельщику Григорьеву. Здесь, в первом участке Серпуховской части, к деятельности Григорьева относились с чужеством особа почетнейшей эваквации: в вагончики она всегда складывала только избранные и заслуживающие доверия поименные чины, а Григорьев

Старые корпуса завода. Модельная, механическая и, в глубине, кузница 1893 г.

ед, незачерпный человекшипка, был тут первым среди первых.

— А делашки-то бяка,—шенуа Григорьев, чуть склонившись в сторону пристава.—Не знаю, как у вас, ваше высокообразованне? — У меня, что же!—гордился в бумажке, легкомовно вадолкну.—Вот, не угодил ли обвазленице.

Развернул широкий лист бумаги. Жирные буквы внушительно и откровенно угрожали:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ»

5 июля 1903 г. пристава первого участка Серпуховской части.

По распоряжению его превосходительства господина московского оберпрокурора, всем рабочим завода «Общества механических заводов бр. Бромей», в подтверждение обязательства фабричного инспектора барона Типольта от 4 сего июля предлагается немедленно присутствовать к работам.

Рабочим, не исполнившим сего требования, явиться в понедельник 7 июля к 10 часам утра в заводскую контору для получения расчета и паспортов, после чего удалится с завода.

Паспорты и причитающиеся заработанные деньги рабочих, не прибывших к получению расчета в течение дня 7 июля, будут высланы в подлавающие провинции или восточные правление, по месту проживания рабочих для выдачи по принадлежности.

Пристава первого участка.

Гриневичев.

— Ну-с, как вы выходите?

— Никогда выходить, ваше высокообразованне, с объявлением этим. Как бы не пришлось раскладывать его по всем заводам Москвы.—Григорьев сизина мягкой горлоу сзой

до шпота.—Спокоился ребята, ваше высокообразованне, немю самые точные сведения...

Пристав вскопал, забегал, засуетился. Мыслю о том, что он прозевал августа, ошарашала его. Он уже подотерла какой-то подлок, завернул со сторонам других членов полиции, которые, как он думал, собирались отнять у него स्वाбство возможность отлучиться. Пристав свистнул за руку Григорьева, потащил в сосиюнюю коншту.

— Ну, что же ты там еше? Ох, чорт меня возьми, проведу я, чурство, что проведу...

Григорьев стало смешно, он фыркнул в мушкетер долговязого пристава.

— Ничего особенного, ваше высокообразованне, самое обыкновенное дело, если посмотреть с выдержкой: собираются ребята наши изей Москвы пригнать. Хе, расказный народ, ваше высокообразованне! Ну, омань-таки, думаю, как напарно: состанете на других заводах действительно есть, но чтобы по-настоящему—душу не вытает.

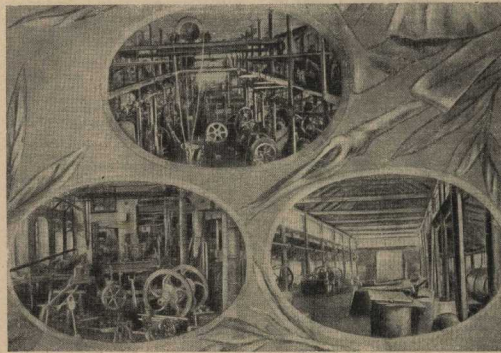
— Ну да, а все-таки,—спрашивал пристав.— Вы, господам Григорьев, можете говорить все, мы здесь одни.

— Говорить нечего, я сказал, что слышал: никак с Густав Листом связались. Мое дело собирать, ваше—действовать.

— Фу, стучат нечестный,—радоство вадолкну пристав,—что это я в самом деле перепугался!

Пристав строгий, официальный вид, попробовал выхватить сухую грудь, но тут же, махнув рукой, авогаторил попусту, с некоторой усталостью в голосе:

— Простите, господам Григорьев, вам сподручилось, вы к ним ближе, ни свой человек, и немодально—ми, а я доложу о вашем усердии, можете на меня поапошиться...

Механический и сборочный цеха завода бр. Бромей. Так выглядел завод в 1908 г., в период его наибольшего расцвета. В то время работало на заводе около 2 тыс. человек.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Французский язык получил мировое распространение двумя путями.

Первый путь—путь отов и мечей—был начат еще при Карле Великом, в VIII—IX вв. Тогда в состав Франции входили ближайшие части германской Германии, Италии и Испании, проливая язык победителей.

Завоевание это оказалось непрочным. Французский язык отступил вместе с франдами государства, оставив память о себе являясь отдельными корнями и слова. Среди других стран Европы, где французский язык получил распространение, можно назвать Грецию и Сицилию. За пределами Франции язык его прочно утвердился в Южной Бразилии и Западной Швейцарии.

Во французский язык вошло и влияние бывшей колонии Франции, на Малых Антильских островах, на острове св. Мартина, С-Пьер, Гваделупе. Во французский вошел и в африканских колониях: Франция, Алжир, Тунис, Марокко. Говорят в Азии, в Индокитае. Все эти непосредственные победы французского языка.

В конце XVIII и начале XIX в. французский язык пригрозил своим маршем пролетью по Европе. Вместе с армией Наполеона он развлекся по городам и селам Голландии, Италии, Австрии, Пруссии. Французские солдаты уходили, но французские слова оставались в чужих языках.

У нас память о разгромах наполеоновских войск запечатлелась в слове «сперматозоид», происходящее от французского «sperme» — «жидкий ооид». Широчайшим образом называли французов, голландцев, австрийцев и немцев.

Наполеоновская Франция рухнула. Судьбы страны решались на Венском конгрессе. Представители держав-победительниц. Представитель держав, вершивший судьбу Франции, говорил между собой по-французски. Культурные влияния Парижа не было поводом. Оно — путь, казавший бы, беспрерывный мирный. Это вольно естественно: культуры развиваются независимо следствием мысли политической и экономической.

Начиная с XVII в. Париж стал культурным средоточием Европы. Философ и ученый того времени Дидро не пренебрежались, называя французский язык языком, который по молчаливому соглашению изучают все народы, чтобы иметь возможность понимать друг друга.

Французский язык изучали для того, чтобы читать «аристократические» романы, бывшие кодексом культуры. Романы — повествование и для того, чтобы познать философов-англичан: «Кандид» Вольтера, «Монтескье», Дидро и Руссо. Его учили, чтобы читать утопии Фурье и Сен-Симона. Большей частью знакомились французским языком, чтобы ближе сойтись с историей революции.

Переходом с французского слова «liberté» было «сладкое слово—вольность, завуалированное у Руссо и покаяние у Гегеля». С этим словом шла на казнь и история декабристы, революционеры-аристократы.

Облави французский язык и язык были так велики, что ныне писатели бросили ради него свой родной язык. Начало этому положено было еще в XIII в. флорентинцем Брунетто Латини. По-французски писали впоследствии Гамбетта и другие Фридрих II. Мы можем вспомнить о французских стихах Пушкина, Лермонтова и Тютчева.

У русского дворянства увлечение французским языком приняло катастрофические размеры. Далеко не исключением был упомянутый у Тургенева помещик, французский слуга уральского вельможи в таком «стиле русского языка»: «Вы суть полудев и мздоимец, и высь поставла на работу».

Кто-то из история этого «европейского языка»?

Французский язык принадлежит к семье так называемых романских языков. О классичности латинского галлов, предков современных французских, повествуют Цезарь и Страбон¹. Они рассказывают об их языке в безумном количестве о недостатке терминов, о страсти и похоти, украшениях и красноречии. Около 120 г. до нашей эры Галлия была завоевана римлянами. Народная латынь, наполненная галльскими, а впоследствии и французскими словами, получила начало современного французского языка. Впрочем, эрстикратия Галлии говорила на латыни классической и говорила пресловуто.

Язык долго не мог устоять. От Паризика до Шлеиди и от Альп до океана имело хождение огромное количество наречий, сделавшихся друг за друга и перекрывающих друг в друга. Язык постепенно выделялся две главные ветви: французская и провансальская. Но французский язык в свою очередь боролся за первенство лить наречий. Вместе с возвышением Парижа побоялся наречие герцога Чирэнбургского, центральной области Эльзас-Франс.

Но даме и этот язык-обладатель долгое время был текуч и изменчив. Слова рождались и исчезали, казались, беседуя.

И лишь в XVIII в. саботу о языке взяла на себя Французская академия. Академия была основана в 1635 г. при дворе Людовика XIII в период побед абсолютизма, одолевшего этого в том короле. Роль ее в истории французского языка действительно прогрессивная. Академия стала абсолютным тормозом дальнейшего его развития.

Академия была крепостью аристократической интеллигенции, кропотливо строившей языки «классический» «академический» французский языка—«langue pure». На этом языке говорили «nobles», этот язык был чужд языку народному, как некогда классическая латынь было чужд народным насам Галлии. Словом сказать этого языка в домашних разговорах прибегали к другому языку—к «простому», «обыкновенной речи». «У нас как у китайцев скоро бегут два языка: литературный и разговорный»,—писал Дидро.

Жизнь менялась, раско и крушения возвысь класс—буржуазия, развивались ремесла и торговля, кружил наука. Но словарь Академии лез в петлю дворянско-геральдическим терминами и не допускала ни одного «гражданского», «технического» слова.

Молодые буржуа, сблизившись с разных концов Франции, привозили в Париж слова родных провинций. Академия ставила своей целью—«присвоить» язык, т. е. сгнать из него «привинциализмы» (Паскю—французская провинция).

Базисная революция. В словаре Академии «революция» определялась как понятие астрономическое—«возражение звезд, планеты».

Революция 1789 г. временно отстранила Академию и позволила ее словари. В язык классический, строгий и выходящий, потому хангалу новое слова, слова, созданные революцией, технические термины, провинциализмы, слова, заимствованные и казавшиеся новыми, казавшиеся новыми. Назначено «устрашить» ренессанс чистоты языка—«протестуют против употребления «кавержики» и «грубых» слов—вроде

¹ Юлий Цезарь (102—44 гг. до нашей эры)—римский полководец и писатель, Страбон (62—21 гг. до нашей эры)—греческий историк.

² Франсуа Ребле (1495—1553)—хрустливый французский писатель эпохи Возрождения. В автор романа «Григорио и Панталеоне», в котором Ребле описал иудейский культ с его понятиями об умерщвлении плоти.

«плутонио» и «скапиоло». Помимо их воан эти слова вторгались по французский язык и другие языки из романских стран.

Голм Великой революции—голы рождения французской журналистики. Авторы борных статей и революционные ораторы прибегают к языку, непохожему на салонный, употребляют слова народных, меткие, точные, грубоватые. Иные из этих слов впоследствии исчезают, но значительная часть закрепляется в языке и литературе.

Нам языком это аккордовое рождение новых понятий и слов. Не даром в годы военного коммунизма нас извучалу слова, пришедшие из французского языка тех лет: «декрет», «трибунал», «мандат», «амнистия», «революция». В названии «Российская социалистическая федеративная советская республика» три слова пришли к нам из древних языков через французский: «социалистический», «федеративный» и «республика».

Франция подарила нам огромное количество политических терминов. Если посчитать слова французского происхождения в любой газетной статье, пройдет их будет огромное.

Язык французский, разумеется, выросший из словаря Революции, дал нам также философские и искусствоведческие термины, как «интуитивизм» и «модернизм», укрепившиеся в русском языке вместе с самим «беллетристик». Терминология изобразительных искусств—на три четверти французская. Стоит вспомнить о таком незнакомом понятии, как «интерьер». Тату—еще—только полноты французского происхождения; называем слова: «акт», «контракт», «партер», «бювар», «альбатус», «галерея», «блать», «обломство». Сотни французских слов вросли в наш «каждодневный язык», притираясь, обрусаясь; таковы: «блондин», «бюролет», «бабуляр», «визит», «эвонга», «помпидор» и др. Буржуазия Франция дала нам слова «бык», «юль»; Франция воюющая—«блать», «амнистия», «благотат», «люмпен», «батьагона». Французского происхождения оборот речи «иметь честь». С французского пришла и нам поговорка «Смеется тот, кто смеется последним».

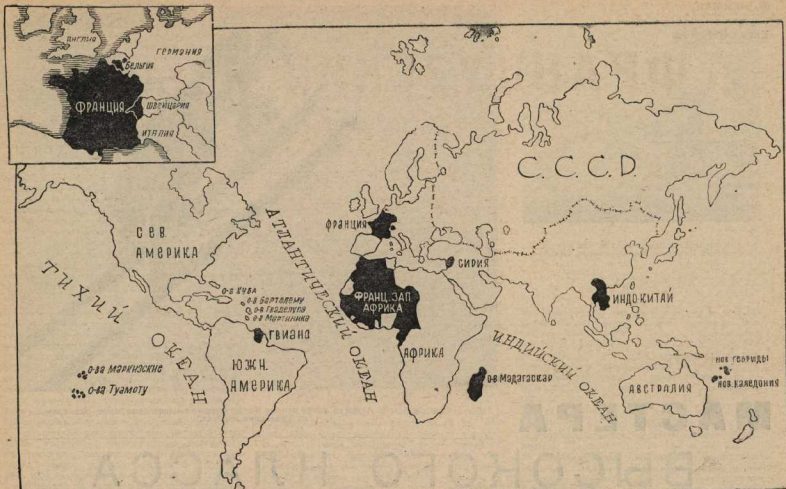
В годы революционных войн во Франции возникло слово и понятие, вошедшее впоследствии во всемирный язык. Слово «телеграф» обозначало вначале род семифора для сигнализации флагами и фонарями. Слово это явилось родоначальником многих технических и производственных слов, появившихся в французском языке.

Родина Бюро—Франция—дала названия многим частям воздуха: «фюзеляж», «люк», «элерон», «парашют»—также французское слово. Богатейшая аниматютера на французском языке создает необходимость всем, интересующимся авиацией, изучать этот язык.

После мировой войны Франция резко изменила свое лицо. Из страны земледельца и легкой индустрии она стремительно превращается в страну металлургии и химической промышленности. Характерно, что город Лавалье, неизвестный прежде миллионам всего мира по кружкам того же названия, является теперь любимой углей.

Впрочем, имея язык Франции не хватает. Только привлечение гидроэнергетических ресурсов—сил стремительных горных рек и бурлящих, так называемых «белой воды»—позволяет Франции использовать огромные природные богатства Лотарингии, приспосабливая ее к войне. Теперь Франция владеет 25% же-

³ Нитерморт—«мертвая природа», художественное изображение неодушевленных предметов.

КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.

В колониях Франции французский язык часто и является государственным, но находит себе применение лишь в городах. Туземцы, угнетенные французским империализмом, изъясняются на своем родном языке. Кроме отмеченных на карте стран на французском языке — наряду с государственным английским — говорят в Канаде (Северная Америка).

девной руды всего мира и 60% залежей Европы. Франция — одна из нерых трех стран в Европе по количеству выплавляемого чугуна и стали.

Война дала толчок французской химической промышленности, бывшей до этого в зависимости от промышленности германской. В настоящее время ни один химик, серьезно относящийся к своему делу, не может обойтись без знания французского языка.

Если французская промышленность еще молодая и только за последние десятилетия выдвигается на одно из первых мест Европы, то французская наука давно отвоевала ей место. Люди, бывавшие во Франции, говорят, что программа по учебникам Парижа эквивалент программам школьных учебников: учебника Бертоле, учебника Го-Люссака и т. д. Филолофу — Декарт, Паскаль, математик Абри Пуанкаре, астроном Фламмарон, натуралист Коур, Пастер. Этот список может быть увеличен во много раз. Помощником директора парижского Pasteurovского института был русский ученый Пестельков. Так особенно близки науки — французская и русская.

Но особенно тесная и старинная связь существовала между русской и французской литературой. Еще Ломоносов, рассказывая о языке и диалекте «шляхтич», приводит русского чтеца к классической поэме Буало. Трагедия Островского была оплодотворена талантами Корнея и Расина. Франция стала у колесницы русской литературы.

Жизненный типоза к типичной романтике немцев, зато ученики, преравошедшие унтергауз, воспитались на французской литературе: «Француз» — душевный провоздвиг Пущкина; книги «легкого топа» французского поэта Парни были истощены у юноши Пущкина, и синие тона

скетства Монтаня² удержали плаки той композиты, куда принесла умирающего поэта.

Связь русских поэтов с французской литературой явно характеризуется историей «Песни вальдских славян». Автором этих «варшавских славянских» песен был не кто другой, как французский новеллист Проспер Мериме, большой любитель вольдобых мистификаций. Мистификация эта ввела в заблуждение Пущкина. Так появилось на русском, т. е. на одном из славянских языков, «Песня вальдских славян», переведенное с французского.

На один из крупнейших русских писателей XIX в. не избежал внимания литературной Франции Корней «Войны и мира» ухаживает в романы Стендаля, а отрицание цивилизации И. И. Тургенева, несомненно, получило на философии Руссо. Знакомство с Шубергом и Гопманну савалово на словах Тургенева. И инт Гонимарин савалово на рассказах «еговремена Чехова», где им номинально о преддом влиянии «безобразнейшего» французского писателя Мольера.

Говоря о посредственности французской литературы на современных советских писателях, можно упомянуть И. Оренбурга, чей роман «Хуло Куренито» выписан под явным влиянием Аничалот Франса. Стиль Юрия Олеши баланхо французской школы. Поэзия Демьяна Белого много дала стихам Бернате.

В связи с дискуссиями о социалистическом реализме особое значение приобретает произведение гениального Оюре Балазак, отобразившего в своей «Человеческой комедии» жизнь буржуазной Франции так глубоко и всеобъемлюще, что Маркс ссылается на эту эпопею в своем лучшей документ эпохи. О Балазак за последнее время у нас говорят много, но читают его неохотно. Кро-

ме того только знание языка, на котором написаны «Отцы Горно» и «Евгения Гранде», может дать полное представление о модях их творца.

Только изучив французский язык, мы сможем по-настоящему оценить произведения друзей Советского союза — Абри Барбюса и Ромена Роллана. Для тех, кто не владеет в совершенстве французским языком, провоздвиг индифферентно, глубоко изучаемые поэзия Франции — поэзия Гюго, Мюссе, Готье, Рембо. Большинство из этих поэтов известно русскому читателю лишь по мало удовлетворительным переводам.

Французский язык нельзя назвать языком вполне легким, но все же изучение его не представляет особых трудностей. Его сходство в общем с русским языком, провоздвиг провоздвигает строгости логическим стилям; на первом месте — подлежащие, на втором — сказуемое, на третьем — дополнение (например: «Я беру карандаши»).

Большое облегчение для начинающих представляет знание фраз французскому языку чудом талантов, длительные периоды.

Грамматика в отношении существительных и прилагательных очень легка: французский язык не знает падежей. Сложнее дело с глаголами. Но при нехотном терпении и желании «тайгом» непереводимых глаголов могут быть быстро усвоены.

Изучающий французский язык должен помнить: вместе с французскими словами он постигнет слова испанские, итальянские, провансальские, португальские, румынские, так как все эти языки очень близки французскому. Знание французского языка облегчает изучение английского и наоборот: у этих языков много общего корней.

Надо помнить, что знание французского языка дает ключ к богатейшей технической и художественной литературе, которая не может быть заменена никакими переводами.

¹ Николай Буало (1636—1711) рево выступил против салонных феодално-принципиализма стихов, был теоретиком классицизма.

² Мишель Монтаня (1533—1592) — писатель-умиротворитель, ярый выразитель мироозорения французской буржуазии конца XVI в.

Мастер-комсомолец В. Андреев занял второе место в горно-лыжном двоеборьи, равнянном на Уральских хребтах.

МАСТЕРА ВЫСОКОГО КЛАССА

Большим числом рекордов закончился спортивный сезон. Наши мастера беговых и водных дорожек, виртуозы колеса и весла за один год, за календарную 6-8 месяцев добились 210 прыжков достижений СССР, Европы и мира. Не один спортсмен от Урала до Пиринеев не плавает на спине быстрее москвича Борисова, а штангу, которую «рвет двумя» украинец Попов, не поднимает ни один гиревик мира в этом весе. Штанга, поднимавшая величайшим динамовцем, весит 30,2 кг— на 2,3 куба больше собственного веса Попова. Борьба Знаменские дважды побил рекорд чемпиона мира Элио Пурье, который на последнем соревновании на первенства беге, предложенного ему Знаменским, и сошел с дорожки на полкрута до финиша. Недавно советские бегуны завоевали первенство в беге кросс-кантри в Париже на вынос, «Юконт».

Конечно, все эти победы возникли не «надул», во все счастливое случая. Наши рекорды и достижения были подготовлены всей черной, кропотливой работой советской физкультурницы за последние годы. Как и все советское, наш спортсмен становится лучшим в мире.

География советского спорта претерпела серьезные изменения. Москва и Ленинград все труднее удерживать рекорды. В Ашхабаде—столице Туркмении—кварт Лиха, первый дискболет страны. У турецкой границы, в Эрзизи, вырос 22-летний гиревик Амбарцумян, побивший в этом году почти все рекорды в своем весе. Не за горами то время, когда на глубины страны движется отбивать рекорды у стовлиц те «домосколов стадионов», которые растут советская земля.

Комсомольцы, юноши и девушки нашей страны, идут в первых шеренгах советского спорта. Знарок «Тоток к труду и обороне» ставится верным и неотъемлемым спутником кировского знамени. Сегодня наша слово о комсомольца—молодых мастерах советского спорта.

В. Андреев

Летом 1933 г. спортивная Москва чествовала «Динамо» — спортивное общество, отмечая

Одной из первых девушек, прыгнувших о лыжного трамплина, была комсомолка Шимширкова. В этом году после двухлетнего перерыва молодая мастер спорта снова встала на лыжи.

ше 10 лет своей плодотворной работы. Бетонные прыжки динамовского стадиона довержу за полными прыжками, веселые и живые посетители спортивных «прямьер». Пятнадцать прыжков катерельно дождались начала. В шестом, где соревнование—прыжки с шестом, прыжки, в которых телу прыгающего предстоит взлететь на уровень одноэтажного дома и мягко приземлиться с этой высоты. Все звание прыжковоро место претендуют Озолин и Борис Дзюков.

С отправной высоты 2 м 80 см планка забирается до 3 м 20 см—здесь сидит Дзюков. На дорожке разбега остаются двое: мастер Озолин и молодой прыгун Института физкультуры Андреев. Планка водружена на высоте 3 м 40 см. Первым начинает разбег прыгун Андрей. Он еще раз отталкивает высоко поднятную планку (кажется, она колыхается от любого набегавшего ветра) и кидается на дорожку, как планка кидается в молнию. Высота взлета Адреев, чуть ли не чуть, хотя прыжка Озолина опять кончается неудачей. Уже высота достигает 3½ м, и теперь Андреев соревнуется только с самим собой, когда кортине рывка руки в лот, эти дебаты

С трибуна доносится гром голоса, из этого шума выделяются ободравшие крики студентов Института и физкультурников, товарищей Андреева. Он еще раз отталкивает высоко поднятную планку (кажется, она колыхается от любого набегавшего ветра) и кидается на дорожку, как планка кидается в молнию. Высота взлета Адреев, чуть ли не чуть, хотя прыжка Озолина опять кончается неудачей. Уже высота достигает 3½ м, и теперь Андреев соревнуется только с самим собой, когда кортине рывка руки в лот, эти дебаты

его противника. Трибуны опять гулят, опять доносится боевой клич «Не поддавай!» Андреев берет и эту высоту и уходит победителем соревнования.

Калужский ремонтный рабочий и сын машиниста, Витя Андреев десять лет назад приехал на свою рубашку звачок КИМ, и в это же время стал заниматься физкультурой. Первый год в комсомоле сошел с первыми соревнованиями и первыми, какухившимся сейчас званием именованной и смешными рекордами. Вторые выходы на соревнования, Андреев занял второе место, а через год стал чемпионом Калужской губернии по прыжкам с шестом—2 м 80 см. Салдующие голы в биографии Андреева—типичные отходы биографии комсомольского активиста: боро учитель, райборо ВАРСМ и как логическая коловина первого этапа самостоятельной жизни—поступление на учебу.

Андреев поступает в Инфикульт, и здесь его мыщце, все тело, все движение обрабатывает олимпийский тренер Иван Игнатович Гребенщиков. Из способного, но сырого и еще рыхлого парня формируется подтянутой и упорной спортсмен. Он остается преподавателем Института; в повзрках, которые призывают на учебу, он разлучает теперь черту своего прошлого.

Последние горнолыжные первенства Союза по индивидуальным комсомолом был разбитым прошлой зимой на хребтах Урала, джиз и краси-

ных утолщк «советской Швейцарии». На стартовом дросселе встает сильное свистание и завывание алюминия. Не даром для таких гонок по пересеченной местности назначается маршрут со сваренной спусками, поворотами и извилистыми подъемами. Второе место в дивизионах занимает Адреев—слова победившая в послужный список молодого мастера.

А. Шширарева

Сравненная спортивная техника и сильное ступня, которая складывается не только из физических данных, но и из трудолюбия и упорства. Валовой спортсменкой может претендовать на самые физические, но душой рьяным человеком. Одной силой недостаточно, чтобы пройти на лыжах от Иркутска до Москвы или подобно команде Куропаткину выдержать пересек по маршруту Омск—Москва. Два месяца, изо дня в день два отрядника Куропаткина по степям, лесам и горам, и когда она на финише предвзяла свои путевые документы, то самым авторитетным свидетелем его переезда были лыжи: они стали его тоном.

Два года назад, когда прыжки на лыжах еще переживали период становления, на один из лыжных трамплинов поднялась девушка-физкультурница. Она совершила свой первый прыжок. Конечно, волевыми, конечно, без конца подтягивала крепления и, самым прямо, по то, чтобы утолща, во... была славно возбуждена. Девушка взяла разгон по отставке, а после приземления осталась лежать на спешившем снегу. Врачи заявили в диагнозе: «Шширарева, студентка, сотрание мозга», а в соответствующих инстанциях началось заседание, которое с бесспорностью установило, что прыжком был прострел и разрыв хлыстов, девушку нужно прыгать без прыжковых лыж,—одним лыжом, огромным сделали с опозданием на одно поколения человека.

Время показало, что вода и упорство прыжки остались непобежденными. Потону кобью и страхуя воспоминания о роковом прыжке, Шширарева без колебаний вернулась на протоптанную тропу—на ту бугель, изобретения как рафинал кобью, имя которой «лыжи».

Шширарева пришла в Институт в комсомольской работы, и она прервала с собой упорство и выносливость секретаря ячейки. Текстильщица из Калинин, райкомовский работник, Шширарева в тузе стала одной из лучших студенток. После вынужденной спортивной консервации она опять встает на лыжи. Обычно было бы сойти с дорожки после стольких побед на соревнованиях.

В первой группе четырех женщин, поступивших в высшую парашютную школу, была и Шширарева. Астичия—с инструктора—не была таким ротоваем, как строителем трамплина на земле,—и прыжок с неба прошла куда удачнее прыжка с земли.

М. Башук

История перекидывает географию, и мы следим того, как отзывает слово «провинция». Тифлисская гимназистка и лыжница Карелин, лыжница из самокочующей Особой дальневосточной армии—реальные соперники спортсменки центра страны. Если Москва и Ленинград и остались центрами спортивной культуры, то во всех уголках страны растут свои молодые мастера. Они прыгают в стволу как холоди, добиваются стая и технику, а вооружившись этой культурой, горьковцы или туляки зачастую побеждают потом Москву на ее же трюках или лыжах.

В 1925 г. на одну из лыжных спортшкол одна пришла в числе прочих лыжница Людмила олеядельница Марус Башук. Уже через год шестнадцатилетняя Башук взяла первенство по всем спортивным видам лыж: 1—3—5—10 км (дистанция на велосипеде и вех деление не создается с аэродинамическими; спринтерской—короткой—дистанцией велосипедисты считают дистанцию до 10 км). Максимальная высота обладала величайшей велосипедной резкостью в республике и до дня своего отъезда из Белорусии не теряла своего первенства.

Первая теннисистка и в эти же годы лучшей велосипедист БССР, первая женщина-инструктор в своей республике, Марус Башук села теперь на учебическую скамью Института физкультур.

Летом 1934 г., когда Красная площадь праздновала физкультурный парад, одну на привлечительных колонии составили 22 девушки. Дистанция Ленинград—Москва 22 студентки прошли на советских машинах за 30 часов, переехав в пути через Валдайскую гряду; по пути они работали 12 часов на колахных плугах. Организатором велопробега была Башук—вышедшая студентка орденосного Института физкультур.

А как же с велосипедными делами?

В этом году на тренировочной пробежке Башук удаилось с исключительной скоростью покрыть 500 м. Секундомером показала, что километр проехали меньше чем в минуту, точнее, в 44,6 сек.—лучше всесоюзного рекорда. На первенстве Москвы на велопробегах занимает первое место на 1 км (1 мин. 27,6 сек.), а по Союзу она на втором месте на 200, 500 и 1000 м. В полукилограмм на 1000 м на счете мастеров Башук выхохотит вперед Юшину, прославившего спринтера и рекордсмена.

А. Гидрат

Спорт—прелесть всего искусства, и во многок своих видах искусство тонкое и сложное. В разряд таков изобретения вывел легкой атлетики двад прыжком. Любой рекорд мира побивают или повторяют каждый год: рекорды по прыжкам держатся многие годы и десятилетия. Тридцать лет назад американец Юри в прыжке в длину с места взял 3 м 47 см, и ввело те прыжки этого рекорда до наших дней; до сих пор ни один прыгун мира не смог за двадцать лет прыгнуть в высоту с места выше Герины (США)—1 м 67 см; двадцать два года назад феноменальный американец Херей был прыжком человеком, прыгнувшим выше 2 м (200,4 см); за все то после этого летопыля легкой атлетики зарегистрировали всего 10 случаев, когда прыгун брал эту высоту.

В 1925 г. на соревнованиях в Харьков первые выступил Аркадий Гидрат, молодой алетопылец с типичной фигурой прыгун; су-

М. Башук заняла первое место в Москве в велосипедных гонках на километровую дистанцию.

хем телом, длинными прыжками рук и ног. На послонии сантиметра прыжком преуспевает длинный чемпионы и поддела с заслуженным мастером Безруковым первое место, взял 160 см. Ничто не дается так трудно какой сантиметр, как в прыжках, где за пять лет излюбленной тренировки Гидрат набрал 4 новых сантиметра. Больше чем по сантиметру в год.

В 1930 г. на встрече Москвы с Киевом Гидрат (он выступал от Москвы) прыгает первенство Моск—170 см. Но через два года крушная побед: лыжка уже прыгает на 184,3 см. Гидрат—рекордсмен Союза, и это звание он удерживает до 1934 г., когда Ленинград Рохани на 12 м прыгает «потоком» прыжком Союза.

Ближний зреловский медалщик, комсомолец и тренер ФВУ, Аркадий Гидрат вошла в семью мастеров советского спорта.

...Зима полностью хояиняется сейчас на стадионах, и вора льда скрывает боготые дорожки. Но и летние рекорды заготавливаются зимой, и сейчас Гидрат тренируется, вырабатывая те резкость, быстроту и воздушность, которые помогут ему снова стать рекордсменом Союза.

Аркадий Гидрат во время соревнований СССР—Турция берет высоту в 180 см.

САМОЕ ВАЖНОЕ, САМОЕ МАССОВОЕ...

Юбилей нашей кинематографии приобрел характер огромного культурного события. Слава о советском фильме летит по всему миру.

В 1919 г. была полуразрушенная фабрика Ханжонкова на Житной улице, обрывки плитки, на которых слышно зафиксировались кадры гражданской войны, была заболоченная гряда режиссеров и кинооператоров. В лучшие времена дореволюционной кинематографии на территории царской России работало около тысячи кинематографов на 364 тысячах мест.

В 1919 г. Ленин подписал декрет о национализации кинопредприятий Советским государством. На кинофабриках появились новые люди. От обрывочных фильмов—документов гражданской войны—начали переходить к созданию полноценных художественных произведений.

В 1926 г. была одержана первая крупная победа. Эйзенштейн создал «Петлюшину», которую вспомню, говорившую на армянском, самобытном, шедшемому Западу киноязыке. В этом же году Пудовкин подарил нам великокадрный фильм «Мать», сделанный на тему одноименного романа Горького. Украинский мастер Довженко дал картину «Арсенал», направленную против националистов. Это далеко неполный перечень всех выдающихся произведений этого периода.

Кинематография наша аступила в полосу технического перевооружения, обусловленную появлением звукового кино. В 1931 г. вышел экран первые советские звуковые фильмы: реалистическая волнующая «Путь в жизнь» Эка и «Златые горы» Ютевича. В следующем году Эрмлер и Ютевич создали эпохальную картину «Встречный».

Особенно велики достижения кино за последние два года. Братья Васильевы своими «Чапаевым» показали всей армии советского искусства, как надо говорить в жизни лозунг социалистического реализма. Рядом с «Чапаевым» было поставлено новый фильм режиссера Козинцева и Трауберга—«Юность Максима», где романтика большевистского подполья, забастовочной борьбы впервые перелива с огромной художественной силой. Безошибко предвзвешен получивший фильм «Пышка», «Гроза» и «Веселые ребята». Кинодокументалисты подняли экранную до уровня блестящих, высокохудожественных произведений. Достаточно назвать также работы, как «Три песни о Ленине» (Данга Вертов), «Челюскин» (Шафран), «Киров» (Бланко). Выпущено много значительных научно-учебных и технических фильмов: «Литаво одноклеточных организмов», «Кавказ», «Строение материи».

В СССР сейчас 26 160 кинотеатров. Это около 5 миллионов мест. А сколько миллионов обслуживается кинопредприятиями в колхозах, на заводских, в военных лагерях? Выстроены новые кинофабрики. Создан великокадрный советский звукоизлучающий аппарат «Светло». Все это дает возможность нашей кинематографии вести свою работу в невиданных масштабах.

Товарищ Сталин в своем письме руководителю советской кинематографии тов. Шумицкому так охарактеризовал новые задачи советского кино:

«Советская власть ждет от вас новых успехов—новых фильмов, прославляющих подвиги Чапаева, величие исторических дея борьбы за власть рабочих и крестьян Советского союза, мобилизующих на выполнение новых задач и выполняющих как о достижениях, так и о трудностях социалистической стройки».

Советская власть ждет от вас самого проникновенного ваших Застеров в новые области нашего великого (Ленин) и самого массового из искусств—кино».

Броненосец проходит сквозь эскадру...
(«Броненосец Потемкин» Эйзенштейн).

Прогулка заключенных
(«Мать» Пудовкин).

Мастер Бабченко
(«Встречный» Эрмлера и Ютевича).

Беспризорники
(«Путь в жизнь» Эка).

Чапаев и Петя на пулемета
(«Чапаев» Братья Васильевы).

У транзита
(«Юность Максима» Козинцева и Трауберга).

В колхозной бане...
(«Крестный» Эрмлера).

Будущие командиры
(«Горячие вечера» Хейфеца и Барзи).

НАШ ЛЮБИМЕЙШИЙ ФИЛЬМ

„ЧАПАЕВ“

Петька и пулеметчица Аня.

Чапаев не сдаётся.

Шурманов арестует Еланя.

Василий Иванович произносит речь на митинге.

Первая встреча Чапаева с Шурмановым.

В чапаевском штабе после разгрома казачества.

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Куйбышев	2—3
Путь предателей завершился	4
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ	
В. И. Ленин на «Трёхгорке»	5
А. Караваева. — В будущей Москве	6
М. Гольдберг. — Их называют «отличниками»	8
Дм. Лебедев. — Колумбо и Аго	10

Мы на границе встанем часовыми	12
С. Крушинский. — Бетал Калмыков	14
Георгий Никитин. — Провокатор	16
Евг. Симон. — Мастер высшего класса	20
15-летие советского кино	22—23
СТИХИ	
Ст. Р. Станде. — Радаука	11
ИЗУЧИМ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ	
Ю. Нейман. — Французский язык	18

ШАХМАТЫ	
А. Берингей. — Международный шахматный турнир в Москве	24
РИСУНКИ	
В. Бриккина, Кеша	
ФОТО	
Н. Петрова, Б. Исаицкого	

А. БЕРНШТЕЙН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР В МОСКВЕ

15 февраля в Москве стартовал международный шахматный турнир. В нем участвуют 12 советских и 6 иностранных мастеров. Кто же они? Каковы пути и излюбленное место у шахматиста мира?

Игра в шахматы—более двух тысяч лет, а звание чемпиона мира по шахматам—более семидесяти лет. Впервые оно было присвоено еще в 1866 г. австрийскому шахматисту Стейнцу, после того как он победил в матчах славянских шахматистов своего времени. В течение 28 лет он удерживал это звание за собой, подтвердив его в поединках встреч с сильнейшими из своих соперников. Но в 1894 г. 26-летний немецкий шахматист Ласкер выиграл у него победу в матче за первенство мира со счетом +10—3—4. Решивший матч в 1896 г. тоже выиграл Ласкер со счетом +10—2—5. Чрезвычайно интересен стиль игры Ласкера: Ласкер не только равнял и углубил соперника, но и Стейнцем совершеннее, научно построив свою теорию шахматной игры, но в игре в целом матю попарно совершенно новым тактическо-логическим образом: тщательно изучая стиль игры каждого из своих противников, он подмечает его слабые стороны и стремится использовать их во время игры. Сила его игры настолько виднелась, что у него не было настоящих победителей. В качестве чемпиона мира он выступал в целом ряде международных турниров, где почти непрерывно завоевывал первое место (7 первых призов и 2 вторых). Эти турнирные его успехи и победы в матчах с которыми только два (с Шахтером и Яношиком) означали победу, создали впечатление его непоколебимости. Он сам считал, что вполне овладел искусством шахматной игры. Все реше и реше он выиграл в турнирах, принимая себя победителем, и в матчах, принимая себя побежденным. После этого он в 1924 г. второй раз выиграл первенство в международных турнирах, где добился блестящих результатов (первый приз в Острове Мордовской в 1923 г. и в Нью-Йорке в 1924 г., второй приз в Лондоне в 1925 г.), причем в последних двух он оказался выигравшим чемпиона мира. Затем он оставляет шахматы и занимается философскими и литературными трудами. В 1933 г. после приезда флисистов в Ленинград, он уехал из страны и вернулся к шахматам в возрасте, когда большинство шахматных мастеров сходит с международной арены на покой и, после почти десятилетнего перерыва, возвращается к практическому, он выступил в широчайшем международном турнире 1934 г., где несмотря на исключительно сильный состав участников завоевал пятый приз (ниже Ласкера, Флора, Эйли и Боголюбова). Этот успех является тем, что он и в настоящее время является опасным противником.

Кто же такой Капабланка, австралийский шахматист первенство мира, уроженец Кубы? Он уже с пяти лет научился играть в шахматы, а в 12 лет чемпионом своего острова; по окончании университета в 1909 г. завоевал первенство Америки, выиграл в серии матчей с чемпионом Европы в 1911 г., выступил в ряде американских и европейских турниров, в которых, за исключением второго приза в 1913 г. в Гаванне (ниже Марии и Николая), и в Петербурге (ниже Ласкера), неизменно завоевывал первый приз. Вернувшись, наконец, в 1921 г. с Ласкером и став чемпионом мира, он несколько охладил к шахматам. В течение десяти лет он не сыграл ни одного матча и участвовал лишь в четырех международных турнирах (2 первых приза, 1 второй и 1 третий). Благодаря исключительно позиционному стилю игры, отстоявшемуся в отношении к стилю партии Капабланка чрезвычайно редко проигрывает партии, но зато

делает многократные проигрыши. Это не удивительно: если у него есть хоть малейшее преимущество, он методически доводит партию до выигрыша, но раз преимущество нет, он старается выиграть партию, для того чтобы положить руку в мутью воле, а чтобы и уверенно влететь к выигрышу. Точность его игры сравнялась с точностью часового механизма, и он сам находил, что техника так развилась, что шахматист может избежать случайной смерти. Однако в 1927 г. он потерял партию же не от Ласкера, переигравшего в этом матче Капабланку, а от его собственного позиционного стиля (счетом +4—3—25—ничейших и ничьих). После этого поражения Капабланка продолжает выступать со значительными успехами в ряде международных турниров, продолжая занимать высокие места на международных турнирах.

Шахматист появился в 1928 г. в качестве представителя Праги. Он быстро привнес в себя элементы своей игры и в очень короткий срок стал одним из сильнейших игроков среди мастеров турнира, которые достигли победы и им неоднократно сальвано противники. Вскоре он получил приглашение участвовать в турнире в Петербурге, где он завоевал второй приз. Это был первый успех, достигнутый в этом виде игры, который достигался раньше в ряде сильнейших представителей молодого поколения европейских мастеров. До 1932 г. он был известен не только как сильный игрок, но и как человек, который в этом году добился первого приза в Гаванне, а также первого и второго призов в Барнаце и в Берне, второй приз в Лондоне (ниже Ласкера), третий приз в Сувае, Хане и седьмой матч в Гинне выиграл его в числе кандидатов на мировое первенство. Первый приз в европейском турнире в 1932 г. (ниже Ласкера), второй приз в Берлине в 1933 г. и третий приз в Лондоне во второй половине турнира удалось выиграть ему не только ввиду, и делая первую победу в 1934 г. (ниже Ласкера) только позиционным стилем. Стиль игры Флора весьма близок к стилю Ласкера—это атаковательно-комбинаторный стиль, основанный на проницательной логике игры. Счет Флора 28 матчей и он не славил свое искусство последним.

Представителем молодого поколения мастеров, на которых выдвинул Флар (Чехословакия), Александр Вейсберг, выигравший уже пять раз первенство своего города в Брно. Вейсберг, представляющий Шандор Шалаубер, достигший пятый матч у Шалаубера и Неманшича, и Лейб (Югославия), завоевавший себе в игре между европейскими мастерами, а также в серии соревнований против молодых буржуазных мастеров.

Среди представителей старшего поколения заслуживают внимания Шахматисты, завоевавшие чемпионат Европы Участники более чем 10 международных турниров и многократные чемпионы, они неизменно добывали первые призы в турнирах, получая первые призы, выигрывая матчи и сериями побед, добывая победы в острой комбинационной, рискованной игре, где игра приводила его иногда и к величайшим успехам, это не значит, что он считался первенцем мира.

Уникальные игроки в шахматы у женщин и мальчиков, достигшие в 1927 г. и после которого женские турниры, а также турниры мальчиков, нога Европы в XIX в. и в настоящее время, что женщины по своему времени неспособны к шахматной игре. Однако в настоящее время она является той, которая опережается как количественный рост, так и в отношении женского движения у нас в СССР, правда, относительно слабым в комбинационном отношении, так и значительными результатами в тактико-техническом и теоретическом шахматистах Запада. Наиболее выдающийся

в этом отношении является немка, чемпионка мира, Фра Минни, которая принимает участие в международных соревнованиях наравне с крупнейшими австралийскими мастерами, причем неоднократно добивается хороших результатов (Свердлов 1928 г.—3-й, австралийский турнир Марибор 1933 г.—третье место, выше Шалаубера).

Из советских шахматистов в московском турнире принимают участие следующие 12 мастеров.

Чемпион СССР мастер Ботвинник, о международном классе игры которого говорить не приходится, достаточно убедительно доказывает ничья в матче с Флором, второе место в ленинградском международном турнире 1934 г. (участвовали Эйли и Кмох) и блестящего и блестящего в ленинградском турнире 1925 г. и в матче игры, близком стилю Капабланки, но славословие достаточно. Отметим только, что он отличается большим классическим и целостностью в выборе самых тяжелых позиций.

Заслуженный мастер Ромолюнский начал выступать в соревнованиях с 16 лет, когда занял место непосредственно за произведений в Петербурге, а затем в Ленинграде. Он один из немногих значительных успехов достиг в досрочно организованную партию давая победу во всевозможных турнирах первые и двадцать второе место, а также звание «чемпион СССР» в международном амальгамном турнире в 1925 г. Он является сильным и вострым игроком. Будучи представителем гиперромантизма, он является блестящим комбинационным мастером, вследствие чего его участие в турнирах является весьма интересным.

Сильнейший Богатчиков—один из сильнейших шахматистов Советского союза. Несмотря на то что его профессиональные занятия (он врач) не дают ему возможности участвовать в деле, он в ряде соревнований достиг блестящих результатов в турнирном стиле, а также в ряде чемпионских комбинационных турниров. Ленинградские мастера Левинский и И. Рабинзон, которые еще до революции выступили в ряде турниров, а также в ряде чемпионских турниров, неизменно выигрывали на первом месте. Оба выигрывали несколько раз первенство Ленинграда. Сильный мастер Левинский комбинационный, но по строго позиционному стилю. Стиль же Рабинзона строго позиционный.

Одним из сильнейших по первенству СССР является мастер Римина, выигравший первенство Москвы в 1931 г., в 1934 г. на VII всесоюзном турнире занял второе место (за Ботвинником), второе место удалось обойти его только в последних турах). В международном турнире в Ленинграде в 1934 г. занял второе и третье место с Ромолюсовым. Но ввиду с этими успехами имел ряд неудач. Стиль его игры весьма оригинальный, богатый комбинационным, он избегает шаблонных дебютов, но иногда все же иногда в тяжелое положение.

Представитель в последние годы гонимых, Ленинградский Авторцев—шахматист остро комбинационного стиля, владеющий в своем роде много темперамента и энергии. Владеющий в ряде турниров игрой Аполлона, обладающий высокой техникой игры, Авторцев является величайшим, предпринявшим игровую в остро комбинационном стиле Чеков, доходящий иногда до неординарной, авантюристы, и позиционно-тактической игры. Авторцев является чемпионом международного класса игры.

Кроме того дополнительно известны Рагозин (Ленинград) и Голдава (Париж).

Что же можно сказать о возможном распределении мест среди участников турнира?

Весьма вероятным первым претендером турнира следует считать Флора. Однако благодаря участию двух всемирных мира—Ласкера и Капабланки, которые, наверняка, окажутся в числе первых, Флора, вероятно, окажется в числе первых участников турнира, так как будет победил не на первом месте. Соперники мастера—и в первую очередь Ботвинник,—несомненно, присутствуют в числе первых места в турнирной таблице. Вообще это турнирное участие самой значительной встречей действительней двух шахматных миров после московского турнира 1927 г., и поинтересней и интересней, чем участие в турнире, так как общественность ждет результатов этой встречи авантюристы отряд своих мастеров с лучшими представителями шахматного искусства Запада.

Отв. редактор В. ВЕЛЬМИН.
Слет в набор 161 1935 г., подписано к печати 21.11.1935 г.
Удостоверенный Газета № 6—1782 Типография газ. «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 8.

Отв. секретарь Я. ЧЕРНЯК.
1/2 бум. листа
Изд. № 90

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда».
Изд. № 90 166.943 п. л. в бум. л.
Зак. № 780. Тираж 31000 экз.